

В. ЗАНДВОРОВ

МЕДНАЯ ГОРА

БИБЛИОТЕКА
ПУТЕШЕСТВИЙ
И ПРИКЛЮЧЕНИЙ

Выпуск 13

Пермское
КНИЖНОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
1963

В. ЗАНАДВОРОВ

МЕДНАЯ
ГОРА

Экспедиция, возглавляемая опытным геологом Корневым, отправляется на Северный Урал, чтобы отыскать легендарную гору, в недрах которой, по преданиям, таятся богатейшие залежи медной руды. Труден путь экспедиции, много испытаний приходится преодолеть ее участникам, прежде чем они успешно доведут дело до конца.

Автор этой повести Владислав Леонидович Занадворов родился в 1914 году в Перми. С пятнадцати лет он работает в геологических экспедициях. В 1940 году заканчивает геологический факультет Пермского университета. К этому времени он уже известный на Урале поэт. В 1942 году Владислав Занадворов геройски погиб на фронте.

Повесть «Медная гора» — первое прозаическое произведение В. Занадворова, вышедшее отдельной книгой. Впервые она была опубликована в 1936 году, но и для наших дней ее герои, ее сюжет представляют большой интерес.

Художник Ю. Лихачев

В УСТЬ-УЛСЕ

Экспедиция готовилась покинуть Усть-Улс. Медленней, чем обычно, округляя каждую фразу, Корнев написал рапорт директору треста. Потом устало приподнял голову и обратился к своему помощнику, дремавшему тут же, за столом:

— Вы, Евгений Сергеевич, ничего писать не станете?

— Нет, Андрей Михайлович, не буду... Письмо в институт я уже отправил.

— Тогда идите спать. Дорога предстоит трудная.

Когда Буров вышел из избы, Корнев снова склонился над столом. Надо было написать жене, близким друзьям, товарищам по работе. Ведь Усть-Улс — последний населенный пункт на пути экспедиции, которая завтра отправится на поиски легендарной Медной горы. Туристы, побывавшие в прошлом году за Уральским хребтом, в районе озера Амнеш, обнаружили там валуны с богатым содержанием медной руды. Это подтверждало данные о том, что племена, жившие на Урале до появления русских, кустарным способом добывали медную руду и выплавляли металл. Для проверки сведений, полученных от туристов, местное геологическое управление снарядило экспедицию под руководством опытного геолога Корнева и аспиранта горного института Бурова.

И вот через несколько часов экспедиция должна отправиться в путь. Вполне возможно, что сюда, в Усть-Улс, они возвратятся не раньше осени.

Заклеив последний конверт и надписав адрес, Корнев аккуратно свернул бумаги, смахнул со стола хлебные крошки, неторопливо завинтил походную чернильницу, погасил свечу. Белесые сумерки северной ночи вливались в окно. В дальнем углу комнаты легко всхрапывал Зверев, проводник, нанятый Корневым в Усть-Улсе.

Стараясь не разбудить его, Корнев осторожно поднялся с табурета. Но разохшаяся половица чуть слышно скрипнула под ногами, и когда Корнев взглянул в темный угол, то увидел, что Зверев уже сидит, прислонившись к стене, и бесстрастно сосет потухшую трубку.

Зверев не спеша вынул изо рта трубку и угрюмо посмотрел на Корнева.

— Что это, начальник, не спится тебе? Завтра, чай, поутру отправляемся.

— Дела все, дела, старик. А ты что не ложишься? Или старые кости крепкие, без сна выдержат?

— Мне поговорить с тобой надо, вот что.

— Ну, в чем дело, говори давай.

— Неможется мне. Отпустил бы ты меня. Доберетесь, куда надо, и сами. Люди ученые...

— Не могу отпустить, никак не могу, — покачал головой Корнев. — Ты один только и знаешь, где Медная гора. Не могу.

— Куда мне, старику, в такие края забираться, помру по дороге. Вот прошлый год с туристами ходил, да так и не довел их до Медной горы — заболел. А ноне еще слабее стал.

— Ничего, в крайнем случае, на носилках тебя понесем, — пошутил Корнев и, меняя тон, сказал: — Ну, спи. Отдыхай.

Корнев вышел из избы.

Ночь заметно таяла. Над рекой висел непроглядный туман, предвещавший на завтра хорошую погоду. Он медленно полз по берегу, покрывая клубящейся пеленой заросли боярышника, ивовые кусты и скалистые обомшелые уступы. Земля дышала влагой. Мерные всплески воды и неразборчивое бормотание камыша только подчеркивали величественную тишину ночи. Да еще с противоположной стороны, где серели расплывчатые стога прошлогоднего сена, доносились неясные отголоски песен. Песням вторила гармоника. Она то захлебывалась разудалой пляской, то хватала за

сердце прощальной, тоскующей песней. Это рабочие экспедиции догуливали последнюю ночь, чтобы завтра на многие месяцы уйти в непроходимые таежные чащи.

...В палатке, распахнув спальный мешок, крепко спал коллектор Вася Круглов, самый молодой из участников экспедиции. Он глубоко дышал и чему-то улыбался во сне. Корнев, завидуя молодости, долго смотрел на юношу и уже хотел лечь рядом, но подумал, что нужно еще проверить, готовы ли лодки.

Через пять минут он уже подходил к пристани. На сонной воде тихо покачивались груженные лодки. Их охранял один из рабочих. Он стоял на берегу, опершись на длинный ствол берданки, и не слышал шагов начальника экспедиции. Только когда Корнев почти вплотную подошел к нему и кашлянул в кулак, он медленно обернулся. Но еще несколько минут глаза караульного, подернутые дымкой воспоминаний, казалось, не могли различить фигуру начальника.

— А ночь-то какая... Тихая, молочная, — задумчиво проговорил он и осмотрелся кругом. Он хотел еще что-то сказать, но то ли позабыл, то ли передумал и снова стал мечтательно вглядываться в туман. Корнев почувствовал себя лишним, ненужным этому парню, впервые увидевшему северные леса, и незаметно отошел, чтобы не спугнуть хорошей задумчивости караульного.

Эта встреча почему-то успокоила Корнева. Он еще раз прошелся по деревне, а когда подошел к палатке, далекое солнце уже позолотило вершины черного леса. Раскидистые ветви елей, дрожащие в солнечной дымке, казались легкими и прозрач-

ными, как утренний воздух. Туман поднялся над рекой, и было слышно, как в замолкших камышах прокрякала сонная утка. Косяк журавлей, курлыкая, проплыл по небу и скрылся за горизонтом. Корнев глубоко вдохнул свежий, на травах настоящий воздух и, не раздеваясь, завалился спать.

Он проснулся от чьего-то громкого крика:

— Начальство изволит почивать. Будить?

— Конечно, буди!

Но Корнев уже выходил из палатки. Перед ним, подобрав живот, в струнку вытянулся Вася Круглов и с невозмутимой серьезностью отрапортовал:

— Имею честь доложить: лодки готовы к отплытию! — И, неожиданно засмеявшись, продолжал обычным голосом: — Андрей Михайлович, идите поешьте, и можно отчаливать.

Вся деревня высыпала к пристани провожать экспедицию. Когда Корнев подошел к лодкам, толпа невольно расступилась. Все с уважением глядели на крепкого, коренастого человека в высоких болотных сапогах, на его кожаную потертую сумку, на широкие плечи, распиравшие потертую гимнастерку.

— Можно отплывать? — встретил Андрея Михайловича Буров.

Корнев кивнул головой.

Захлебнулась густыми басами и смолкла гармошка. Смех девчат оборвался. Команда «отчаливай!» покрыла гомон толпы. Десятки рук рванулись к веревкам, чтобы отдать концы.

Лодки вздрогнули. Описав широкую дугу, они вытянулись в кильватер и быстро поплыли против течения. Одно время были слышны только глухие

удары шестов и мерное журчание воды, вскипающей под носами лодок.

Вслед неслись крики: «Счастливо, товарищи! Удачи вам!»

Лодки между тем одна за другой скрывались за крутой излучиной.

Корнев еще раз оглянулся назад. Он увидел серые избы, утопавшие в густой синеве хвойного леса, желтую полосу берега и на ней пеструю толпу провожающих. В воздухе полоскались разноцветные платки.

Но и последняя лодка уже обогнула полуостров. Теперь с обеих сторон, плотно замыкая реку, теснились высокие сосны, да к берегу подбегал молодой кустарник.

Через полчаса не стало слышно даже собачьего лая. Последняя связь с внешним миром оборвалась на многие месяцы.

ВВЕРХ ПО ВИШЕРЕ

В полдень лодки одна за другой приставали к песчаной отмели. В больших котелках, обтекших жиром, рабочие варили сытный обед, дремали, растянувшись на траве, и, когда солнце склонялось к западу, снова отчаливали от берега.

А когда сизые сумерки обволакивали мачтовый лес, останавливались на ночлег. На высоком, сухом

берегу жгли дымные костры, между деревьями натягивали марлевые полога и в ожидании ужина рассказывали страшные и смешные бывальщины.

И так каждый день.

А на берегах расцветала снежная черемуха; белые восковые лепестки, сорванные ветром, кружились над рекой и тихо-тихо падали на воду. На заливных лугах поднимались высокие сочные травы; среди них горели крупные огненные цветы марьяна корня, а по утрам распускались голубые точеные колокольчики. Угрюмые хвойные леса, сбегавшие по склонам хребтов, таяли в жарком солнечном мареве, а на вершинах каменных гигантов еще лежал снег.

Лодки жались к берегам. Посредине реки была сильная струя, а на перекатах уже появлялись белые барашки. К этим перекатам, где вода холоднее, стремились стаи крупных хариусов. Нередко какая-нибудь лодка неожиданно останавливалась и один из людей, сидевших в ней, осторожно подводит к борту трепещущую дорожку. Серебряная рыба, опоясав крутую сверкающую дугу, тяжело шлепалась на дно лодки. Шесты снова погружались в воду, и берега снова плыли навстречу.

Но чем выше поднимались лодки, тем уже и уже становилась река. Она пробивала свое русло между крутыми отвесными «камнями», смывала высокие лесистые горы и, не найдя свободного пути, снова терялась между высокими шапками вишерских «камней».

Все короче становились тихие, ленивые плесы. Они сменялись стремительными перекатами и крутыми переборами. Появлялись пороги. Скорость

лодок уменьшалась с каждым днем, с каждым часом.

Зверев по вечерам замечал уровень воды, а утром сообщал, что вода опять на несколько сантиметров упала.

— Снег еще в горах не растаял, а подожди три дня — вода в два раза упадет. Поэтому засуха. Как тогда у Тулымского камня пройдем, а? — хмурясь, говорил он Корневу, когда разговор заходил о пути.

— Пройдем как-нибудь, — односложно отвечал Корнев.

Однажды поздно вечером Корнев и Зверев поднялись на вершину горы. С бледно-голубого неба лился мягкий белый свет, кладя сказочный отпечаток на всю местность. Внизу тускло блестела река. Тихо. Лишь монотонное гудение воды на далеких говорливых переборах доносилось сюда. Но вот Зверев поднял кверху руку, давая знак не шуметь, и прислушался. Прошло несколько минут. Наконец старик переступил с ноги на ногу и повернулся к Корневу:

— Слышь, начальник, верхний порог гудит. К хорошей погоде, значит.

Корневу тоже послышалось далекое неразборчивое гудение. Он развернул карту:

— Это и есть порог Тулымского камня?

— Он самый. Страшный порог. Пять верст длинной. Мало кто его на лодках проходит.

— Нужно пройти. В крайнем случае, лодки волоком потащим, все равно пробьемся.

— В том-то и дело, что волоком нельзя... С одной стороны — камень крутой, стены отвесные, с

другой — тайга несхожая к самой воде подступает.

— Ну, тогда, значит, в лоб возьмем.

— Это бабушка надвое сказала. В прошлый год там душегубку с двумя охотниками перевернуло, так ни душегубки, ни людей не нашли. А ноне вода мелкая, река еще пуще между камней ярится. Боюсь, как бы вернуться не пришлось.

— Об этом забудь и думать. Так или иначе — должны пробиться. Понял?

— Понял, начальник.

Только к вечеру следующего дня экспедиция достигла Тулымского камня. Но еще задолго до наступления вечера стал отчетливо слышен яростный гул воды. Мимо лодок проносились обломки деревьев, обрывки водяных трав, серебристые тела оглушенных рыб. Вода стала мутной, желтой. Посредине реки крутились водовороты.

Лодки плыли в тихую глубокую заводь. Сразу за поворотом начинался порог. Пока рабочие варили ужин, разгружали лодки и натягивали полога от комаров, Корнев со Зверевым пошли осматривать порог.

Они вернулись в середине ночи усталые, голодные, упавшие духом. На траву, на кустарник упала обильная студеная роса, поэтому оба промокли по пояс. Лагерь встретил их сонной тишиной. Только на прогалине, седой от росы, лениво дымился потухающий костер да рядом с костром, сидя на срубленном дереве, дремал штейгер Василий Угрюмый, давний спутник Корнева. Испытанная двадцатилетняя дружба надежно связывала их. Корнев познакомился с Угрюмым на золотых приисках далекой сказочной Олекмы, научил его ос-

новам геологии, и с тех пор старый приисковик участвовал во всех экспедициях Корнева.

Сквозь тонкую дремоту Угрюмый расслышал шаги. Он поднялся, подкинул в костер дров и повесил на палку котелок с остывшими шами.

— Ну, что выходил, Андрей? — раздувая огонь, спросил Угрюмый.

Корнев, не отвечая, опустил на землю. Штейгер протер слезящиеся от дыма глаза и, рассмотрев лицо друга, сразу понял всю правду.

— Скверно, Андрей?

— Да.

— Ничего, пройдем как-нибудь.

— Должны пройти...

Корнев замолчал, но после длинной паузы снова заговорил:

— Главное, в лоб его не взять и волоком не обойти. Место поганое. Дней пять даром пробьемся.

— Не лишку хватил? Зубастый на Вилюе одолели, а этот и подавно...

— А ты забыл, как там целую неделю маялись? Как лодка с людьми ко дну пошла? А тут порог не лучше Зубастого... Только положе немного. И рабочие неопытные, порогов настоящих еще не видывали.

— Ничего-о, ребята крепкие...

— И времени терять нельзя... Если полая вода пройдет, то в верховья до осени не поднимешься...

— Ты лучше подкрепишься, — оборвал Корнева Угрюмый. — Щи согрелись, да и чай вскипел. А утро вечера мудренее...

Порог начинался в сотне метров от лагеря. Было видно, как вода круто сбегает по наклонной

плоскости. Белые барашки, серые гребни и черные камни застилали все пространство. А с левой стороны, словно обрубленные по отвесу, возвышались стены Тулымского камня.

Поднявшись на рассвете, рабочие по команде Корнева привязывали к носам лодок тонкие прочные веревки, растягивались цепью по берегу и тянули лодки против течения. Только одна, управляемая Корневым и Зверевым, проникла за кипящую запретную полосу. Они сделали попытку вторгнуться в порог на шестах, но после часа утомительной работы были принуждены отступить и, выбрав лазейку между камней, выбросить лодку на берег. Мокрые с головы до ног, с распухшими свинцовыми руками, они, шатаясь, выскочили на песок.

А к ним уже приближалось еще несколько лодок. В передней, всем телом налегая на шест, стоял Василий Угрюмый. Трое рабочих, перепрыгивая с камня на камень, оступаясь в воду, карабкались на крутые скалы, тянули тонкую пеньковую веревку. Лодка разбрызгивала воду, часто застревала в камнях. Рабочие, рискуя разбиться, делали отчаянные усилия, и лодка, с трудом поднимаясь на грозные, лохматые гребни, двигалась вперед.

Следом за ней тем же путем шли другие.

Угрюмый махал шапкой, что-то кричал. Корнев отчетливо видел, как раскрывается его рот, как шевелятся губы, но тяжкий грохот воды скрывал все посторонние звуки...

Когда передняя партия лодок метров на двести-триста поднималась вверх по порогу, все возвращались назад и точно так же гнали вторую партию.

Груз, оставленный у ночлега, переносили на плечах по густому нехоженному лесу.

К вечеру первого дня прошли около полутора километров. Для начала это было неплохо, но впереди оставалось самое трудное. Посередине порога река делала крутой поворот, почти под прямым углом обрубая отвесные скалы Тулымского камня. Там-то и проявляла река свою великую, ненасытную ярость. Огромные массы воды устремлялись в узкие проходы между камней, и здесь вода кипела, кружилась, билась, падала падунами, взлетала каскадами с невероятной, чудовищной силой.

К полудню второго дня лодки были невдалеке от этого места, прозванного «каменной мясорубкой».

Теперь уже пятерым приходилось тянуть веревку, иначе было невозможно преодолеть сопротивление падающей воды. Лодки вздрагивали, скрипели, их захлестывало водой, бросало в сторону, но они опять упрямо становились носом против течения и скользили вверх по порогу.

Передняя лодка в течение многих минут пыталась протиснуться между скал, близ берега перегородивших реку, но стремительный поток воды беспрестанно откидывал ее назад. Задача осложнялась еще тем, что вкрест этому потоку бил другой и они, соединившись в одну струю, образовывали перед скалами яростный водоворот.

Парень, стоявший в лодке, в приливе отчаянной храбрости всем своим тщедушным телом налег на шест и выбросил лодку на середину струи.

— С ума спятил, Колька? — во всю мощь здоровых легких гаркнул старший пятерки Бедокур.

— Тяни! — визгливо крикнул ему Николай и закусил губы.

Рабочие уперлись ногами в камни, откинулись назад, до звона натянули веревку. Лодка нырнула носом в водоворот. В течение нескольких минут продолжалась упорная борьба с крутящейся, разъяренной водой. Наконец лодка миновала водоворот, и ее нос показался между скал.

Но пеньковая промасленная веревка не выдержала гигантского напряжения. Она лопнула, как туго натянутая струна. Пять человек, словно подкошенные, рухнули на камни. Лодка задрожала и, освободившись, ринулась вниз по потоку. Ее подхватил водоворот, ударил о камень. Борт треснул. Лодка накренилась и зачерпнула воды. Но Николай успел налечь на шест и круто повернул ее нос по течению. Стремительная струя подхватила лодку и вынесла из водоворота.

Теперь, прыгая между камней, взмывая на пенистых гребнях, зарываясь носом в падуны, лодка летела вниз по порогу. Она уменьшалась на глазах. А в ней метался одинокий беспомощный человек.

Десятки расширенных от ужаса глаз следили с берега за черным тающим пятном. В эти минуты всего большее было ощущать свое бессилие, свою слабость.

Когда лодка до самых бортов погрузилась в воду и каждую секунду была готова пойти ко дну, Николай с размаху погрузил шест в воду и, напружинившись всем телом, сделал прыжок. Облегченная лодка рванулась вперед и в ту же минуту опустилась на дно. Николай остался стоять посреди порога на маленьком скользком камне. А кру-

гом гудела вода и кверху взлетали белые гривы барашков. После нескольких неудачных попыток Корневу и Бедокуру удалось на другой лодке добраться до Николая и снять его с камня.

Безуспешные атаки на «каменную мясорубку» продолжались до позднего вечера, но ни одна лодка не сумела проникнуть за поворот реки.

Голодные, измученные, продрогшие люди, не раздеваясь, повалились на землю и сразу заснули мертвым сном. Корнев не меньше других устал за этот день. Он сам, как в молодости, вел передовую лодку на штурм порога. Но сейчас, прежде чем лечь спать, нужно было решить вопрос: что делать завтра?

С трудом преодолевая дремоту, он подошел к спавшему у костра проводнику и тяжело опустил руку на его плечо.

— Что будем делать?

Зверев с трудом, мутными глазами посмотрел на Корнева.

— Кабы вода была выше... А сейчас...

— Что сейчас?

— Ничего не выйдет. Назад вернуться — одна дорога.

— Назад нельзя. Никак нельзя, старик.

— Тогда на пороге сиди. Отдыхай, — сонно проговорил Зверев и снова растянулся у костра.

Корнев нашел в себе силы, чтобы приготовить постель из еловых веток. Он уже засыпал, когда простая, ясная мысль снова подняла его на ноги. И как это раньше не пришло ему в голову!

Растолкав лежащего рядом Бурова, он крикнул:

— Просека!

— Где просека? — Буров, ничего не понимая, протер глаза и тупо посмотрел на Корнева.

— По просеке перетащим лодки.

— По какой просеке?

— Вырубим в тайге.

— Вырубим, — согласился Буров и ничком повалился на землю.

Утром все вооружились топорами. Угрюмый неуверенно предложил еще раз попытаться взять быка за рога и атаковать в лоб «каменную мясорубку». Но Корнев отверг его предложение. Вчерашний день и так обошелся слишком дорого. Одна лодка со всем грузом пошла ко дну. У другой был сорван борт. Остальные нуждались в шпаклевке.

Просеку надо было прорубить возможно быстрее. А тайга завалена колодником и буреломом. А сосны в два обхвата стоят ствол к стволу. Но рабочие дали слово до тех пор не выпускать из рук топоров, пока конец просеки не упрется в тихий плес по ту сторону Тулымского порога.

Уже наступал вечер, а работа далеко не была закончена. Кашевар сварил обед, все торопливо поели и снова взялись за топоры.

Едва только передние лесорубы успели углубиться в тайгу, как до слуха Андрея Михайловича донеслись неразборчивые крики. Корнев поспешил выяснять, в чем дело.

У надрубленного дерева друг против друга стояли Бедокур и остроносый сутулый парень Федор Галкин. У его ног валялся топор.

— В чем дело? — строго спросил Корнев.

— Да вот, Андрей Михайлович, все рубят, а он не хочет. Говорит — время вышло. Ручки, вишь, заболели.

— Не хочет — пусть убирается совсем. Обойдемся и без него, — жестко сказал Корнев и, повернувшись к Галкину, продолжал: — Ты что, легкой работы ищешь? На товарищей бы посмотрел... Себя не жалеют. Понимают, что большое дело делаем... А ну, давай сюда топор!..

Но Галкин торопливо схватил топор и что было силы всадил его в ствол ближней сосны.

— Давно бы так, — проворчал Бедокур.

К полночи просека была прорублена. Следующий день потратили на перетаскивание лодок и груза. Страшный порог Тулымского камня остался позади. Наконец-то можно было свободно двигаться дальше.

Но река с каждым километром становилась уже и мельче. Лодки с трудом подвигались к верховьям.

К счастью, ударил дождь. Он лил, не переставая, круглые сутки. С гор, с хребтов устремились мутные быстрые потоки. Вода в реке резко поднялась. Семь лодок экспедиции рванулись вперед. В продолжение полутора суток измученные люди не выпускали из рук шестов.

Вдали возвышалась синяя громада Ошенера — Вишерского камня. Там в глубокой ложбине сливалось несколько ручьев, образующих исток реки.

Водный путь кончился. Экспедиция начала переваливать через Уральский хребет. Груз переносили на плечах. Все, не исключая Корнева и Бурова, по многу раз возвращались назад и с двухпудовой поклажей повторяли пройденный путь. В день продвигались вперед на семь-восемь километров.

На четвертый день экспедиция достигла вершины хребта. Здесь был рубеж. Великий Каменный пояс. На западе лежала Европа, на востоке — Азия. А вокруг — низкое серое небо, серые камни, серый мох. По голой тундре разгуливал холодный ветер, и облака, опускаясь на землю, сеяли мелкую колючую изморось. Перевалив через хребст, часть груза надежно спрятали в скалах. Экспедиция взяла курс на северо-восток. От тугих лямок походных мешков плечи у многих были исполосованы кровавыми рубцами, на лопатках появились твердые толстые складки загрубевшей кожи, но никто не обращал на это внимания.

Третьего июля экспедиция спустилась в долину Полуденного Колчима. Здесь, после недолгого сощещания со Зверевым, Корнев решил разбить постоянный лагерь.

К МЕДНОЙ ГОРЕ

Экспедиция два дня отдыхала в лагере. Конечно, этих двух дней было совершенно недостаточно для отдыха после тяжелого многоверстного пути от Усть-Улса до долины Полуденного Колчима. Но Корнев спешил попасть на Медную гору, осмотреть старые, давно заброшенные чудские выработки, чтобы уже после их обследования начать поиски руды.

В жаркий погожий день, какие нередко стоят на севере в первых числах июля, Корнев в сопровождении проводника, коллектора и семи рабочих готовился к выходу из лагеря.

Еще прошлым вечером Корнев дал подробные инструкции своему помощнику. Но и сейчас, перед самым прощанием, он со строгой пунктуальностью повторил свои наставления.

— Знаю, знаю, — засмеялся Буров. — Все запомнил.

— Что запомнили? — поднял брови Корнев.

— Организовать переброску груза с водораздела. Самому провести рекогносцировочные маршруты, главным образом в северном и восточном направлении. Так?

— Дальше.

— Через семь дней встречать вас у подножия Шайтан-горы, — отчеканил Буров.

— Во время маршрутов обратите внимание на четвертичные отложения. Это, кстати, пригодится вам и для диссертации. Вот и все. Можно трогаться.

Корнев выколотил пепел из трубки и застегнул лямку рюкзака. Вслед за ним и остальные вскинули на спины заплечные мешки. Через минуту маленький отряд скрылся за крутым откосом.

Путь до Медной горы оказался гораздо длиннее и утомительнее, чем предполагалось. Три дня туда, три дня обратно, день на осмотр копей — таков был расчет. Чтобы не отягощать рабочих грузом, Корнев распорядился не брать лишнего продовольствия. В крайнем случае несколько дней можно прокормиться «с ружья».

Но не успел отряд отойти от лагеря и десяти километров, как захромал Зверев.

— Опять ломота. Не иначе как перед дождем, — сказал старик на очередной перекурке. Однако, преодолевая боль, он продолжал идти, идти в сторону, где курились на горизонте волнистые контуры хребта.

А под вечер следующего дня ударил дождь. Казалось, небо в течение многих дней накапливало силы, чтобы одним оглушительным ливнем опрокинуться на землю. Под широкой ветвистой елью путники раскинули палатку и отсиживались в ней, пережидая, когда стихнет погода.

Старик беспрестанно ободрял приунывших рабочих и добродушно посмеивался над их неопытностью. Бездумными, неподвижными глазами глядел он на лохматые облака, что плыли над самой головой, чуть не цепляясь за вершины деревьев, на крупные капли дождя, что переливались в темно-зеленой листве, на неуклюжих вымокших птиц, пролетавших над лесом.

К вечеру второго дня в сплошной массе низко нависших облаков появились первые просветы. Но дождь не унимался. Корневу надоело сидеть в палатке. Накинув плащ, он вышел размяться. Рабочие сидели, тесно сбившись, придвинувшись к костру, что горел перед входом в палатку. Настроение у всех было подавленное.

— До чего же обидно торчать тут, — подал голос Вася Круглов. — Брат у меня старший на Магнитке сталеваром, так рекорд недавно поставил, в Москву на совещание ездил. Вот это жизнь! Думал — найдет экспедиция руду, и мне будет чем

похвалиться. А теперь...— парень безнадежно махнул рукой.

— Ничего, Васек, не унывай,— утешил товарища Бедокур.— И гору эту самую найдем, и завод тут построят; не хуже братана рекорды будешь ставить.

Корнев стоял неподалеку на пригорке и пристально всматривался в голубеющую на западе полосу неба, пытаясь определить, сможет ли экспедиция наутро продолжать путь. Заслышав голоса, он подошел ближе и остановился за разлапистой елью.

Из палатки донесся негромкий ворчливый голос Зверева:

— А ты больно-то широко не замахивайся. Кто его знает, как пофартит... Бывает, ходишь-ходишь, а толку никакого...

— Ну это ты, старик, брось.— Корнев шагнул из-за дерева, согнувшись, прошел в палатку. Он присел рядом с Рубцовым и продолжал:— Доведешь нас до места— спасибо скажем. А нет— сами как-нибудь дорогу отыщем. Не кутята слепые. Понимашь ты, что не можем мы с пустыми руками назад идти. Медь эта пятилетке нужна! Найдем мы и медную руду и, может, еще что-нибудь. Правильно, товарищи?

— Верно, Андрей Михайлович! Найдем! Непременно найдем!— воскликнул Вася, счастливо улыбаясь и глядя на Корнева широко раскрытыми глазами.

— Хорошо сказал, начальник,— одобрительно прогудел Бедокур.

— Что так, то так,— поддержал пожилой рабочий, которого все звали Васильичем.

Зверев, не ожидавший такого дружного отпора, раздраженно покусал кончик седой бороды. Потом, расшуровав огонь, неохотно проговорил:

— Поглядим, как оно будет. Мне-то все одно. Помирать пора.

— Рано ты эту песню затянул. Еще до ста лет доживешь. Кость у тебя крепкая, — попытался ободрить старика Корнев.

— Был конь, да изъездили. А смекалка еще осталась. Знаю, что делать-то, — и старик, еще сильнее сгорбившись, отвернулся от собеседников.

Наутро погода прояснилась. Теперь было не до праздных разговоров. Отряд снова пустился в дорогу. Еще в пору дождя, видя, что маршрут затягивается, Корнев урезал дневной паек.

Но, несмотря на то, что отряд, пересекая топкие болота, вброд переправляясь через быстрые горные потоки, ежедневно совершал тридцативерстные переходы, и к утру седьмого дня озера Амнеш не было видно.

Корнев, конечно, знал, что при выработке маршрута легко ошибиться на день-два, но то, что дорога оказалась в два раза длинней, чем предполагали, начинало тревожить его, и он поделился своими опасениями с проводником. Тот хмуро посмотрел на Корнева и нехотя протянул:

— Кто его знает? В лесу, чай, версты не меряны. Да, вишь, и болота после дождя раздулись, колесить приходится. А ежели прямо идти, вовек не дойдешь. Место такое...

Но старик все же обещал, что сегодня отряд непременно будет ночевать на берегу озера. А там — рукой подать до Медной горы. Оставалось только одно: идти, идти и идти. И люди шли. Они

поскальзывались, проваливались в ямы, ругаясь, вставали на ноги и опять продирались сквозь колючий кустарник, сквозь цепкий густой бурелом.

Туго затянутые ремни и пустые желудки властно напоминали о том, что сегодня на долю каждого досталась только пригоршня сухарей и миска жидкого супа. Может быть, еще поэтому большие, глубокозапавшие глаза идущих жадно всматривались вперед: не мелькнет ли серебристая рябь озера, не расступится ли стена молчаливого леса. Но не мелькала озерная рябь, не расступалась лесная стена.

Проводник шел легко и быстро, словно пробирался не по глухой, заваленной сучьями, стволами свалившихся деревьев тайге, а плавно скользил по льду. Он с каждым часом увеличивал и без того быстрый шаг. Какое-то скрытое беспокойство появилось в каждом жесте старика, в каждом шаге, в каждом взмахе сучковатого посоха. Он стал сумрачен и неразговорчив.

И усталые люди вслед за стариком взбирались на крутые склоны скалистого кряжа, громыхая рюкзаками, сбегали вниз и снова лезли на вершины. Солнце то появлялось впереди их, то било им в спины, то плясало сбоку, в ветвях деревьев. Люди были настолько измучены, что ни у кого из них не возникал вопрос, правильно ли они идут.

Только Корнев со все растущим беспокойством следил за причудливыми поворотами пути. На редких перекурах он доставал из полевой сумки лист ватмана и наносил на него ломаные зигзаги маршрута.

И если в прежние дни пунктирная линия, обозначающая пройденный путь, ложилась прямо на

северо-запад, то теперь она, как след испуганного зайца, металась из стороны в сторону, образуя острые углы. Часто для того, чтобы продвинуться на два километра вперед, приходилось затрачивать полтора-два часа.

Корнев недоверчиво спрашивал проводника:

— Ты ненароком не сбился с дороги?

— Коли хочешь — веди сам, а я других дорог не знаю, — сердито отвечал Зверев.

— Петляем мы здорово, я вот о чем.

— Попробуй тут не петлять! Прямо пойдешь — в болото упруешься. Направо свернешь — в горах шею сломишь.

На этом разговор обрывался.

Бесплодные Мезенские тундры, колымская тысячеверстная тайга и голубые вершины Сихотэ-Алиня — все исхоженное и виденное Корневым сообщило ему ту мудрость, которую не почерпнешь в лекциях профессоров, не прочтешь в монументальных трудах академиков. Эту мудрость зарубцевали на его спине лямки многопудовых заплечных мешков, каленым железом выжгли в его памяти страшные ночи одиноких голодных блужданий. Весь опыт, вынесенный из двадцатилетней работы геолога, подсказывал: чтобы руководить людьми, нельзя слепо подчиняться кому бы то ни было. Этот закон победы и успеха вошел в плоть и в кровь Корнева, воспитал в нем безошибочное чувство ориентировки и заострил его взгляд на таких мелочах, которых не замечали другие.

Несмотря на бешеный темп перехода, Корнев замечал след сохатого, крупным шагом пересекавшего поляну, по еле различимому гоготанию гусей догадывался, что слева остается большое коч-

коватое болото. Видя узкие оленьи тропинки, вдруг сплетающиеся воедино, он заключал про себя, что в стороне, куда бежит широкая тропа, находятся ровные пологие холмы, покрытые мягким ягелем.

Иногда, на минуту задерживаясь у обнажения, он отколачивал от ближней скалы кусок породы и заносил в полевой дневник краткие, скупые пометки. Корневу казалось странным, что давно осталась позади узкая полоса известняков, с которой, как он думал, связано разыскиваемое экспедицией месторождение медной руды. Теперь постоянно попадались выходы массивной мелкозернистой породы с продолговатыми кристаллами голубого полевого шпата.

Корнев протягивал проводнику отколотенный кусок породы:

— А на Медной горе такой же камень? Или другой?

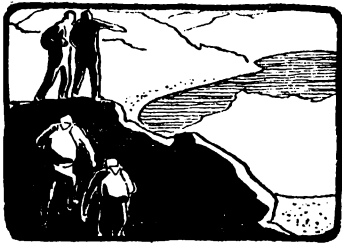
Зверев внимательно рассматривал образец, за чем-то проводил ладонью по его шершавой поверхности и возвращал обратно:

— Сам придешь — увидишь. Я почему знаю? Я человек темный.

«Если Медная гора сложена таким же массивным габбро, то едва ли можно надеяться отыскать на ней крупные медные залежи», — думал Корнев.

Но полоса известняков могла изогнуться, как тугая пружина, под прямым углом изменить свое простираение и опрокинуть все представления геолога.

Завтра, если старик не ошибается, все станет ясным. А пока что Корнев пытливым следил за каждым движением Зверева.

Зверев поднялся на вершину крутого травянистого склона и остановился. Один за другим к нему подходили отставшие рабочие. Радуюсь короткой передышке, они сбрасывали тяжелые рюкзаки и, как подкошенные, валились

на траву. Когда Корнев легким, неслышным шагом, в котором не чувствовалось усталости, вслед за другими залез на вершину, старик обернулся к нему:

— Вишь, озеро-то промеж деревьев поблескивает.

Рабочие повскакали с земли. Они жадно всматривались в ту сторону, куда указывал старик, но, кроме густого сплетения еловых ветвей, ничего не могли разобрать. Старик брал их за плечи, поворачивал и тыкал пальцем в просвет между деревьев:

— Ниже, ниже смотри... Вон там сбоку камня, видишь?

Но непривычные глаза горожан и деревенских парней не смогли увидеть того, что за много верст различал опытный взгляд охотника. Однако уверенность проводника передалась рабочим, расправила их спины: требовалось еще одно усилие, чтобы пройти несколько километров; а там, у озера, ожидал их дневной отдых, домашний дым костра

и ужин из свежеебитого глухаря, которого непременно подстрелит старик.

И как бы ни устал человек, у него всегда находится воля, чтобы сделать еще одно усилие.

Бедокур первым вскинул рюкзак и нетерпеливо подошел к Корневу.

— Идти так идти... Нечего у моря погоды ждать.

Вслед за ним и остальные навьючили на себя заплечные мешки.

Не прошло и часа, как отряд пересек последнюю скалистую гряду. Внизу, в глубокой сумрачной котловине, тускло блестела свищовая вода озера, напоминавшего гигантскую овальную брошку, вставленную в серую оправу из прибрежных камней.

Завороженные безмолвной пустотой ослепительной бездны, люди столпились на краю обрыва. Только через несколько минут, когда глаза присмотрелись к крутизне котловины и первое головокружение прошло, они начали осторожно спускаться.

Держась за ветки тощего кустарника, они по нескольку раз прощупывали ногой почву и только после этого делали очередной шаг. Угловатые камни неожиданно вырывались из-под ног, крутятся и подпрыгивая, стремительно неслись по крутизне, увлекали на своем пути щебень, сбивали с мест огромные тяжеловесные глыбы и сплошным грохочущим потоком летели дальше. Окрестные горы стократно повторяли удары камней. Казалось, сотни тяжелых орудий беспрестанно бухают в воздух, стараясь перекрыть друг друга.

На тихой воде озера, может быть впервые за

всю его историю, задрожали длинные блики веселых костров. Работники экспедиции пришли сюда, как давние хозяева, и без долгих размышлений принялись за устройство немудрого лесного уюта.

В чайниках закипала вода. Рабочие натягивали брезенты и развешивали полога от комаров. Вася Круглов, примостившись у костра, заносил в этикетную книжку образцы горных пород — скудный «урожай» протекшего дня. Он бережно заворачивал камни в толстую оберточную бумагу, химическим карандашом проставлял номера и, наверное, мечтал о том времени, когда сам поведет экспедицию.

Слегка наклонив голову, со старательностью, свойственной шестнадцатилетнему подростку, который стремится в каждой мелочи копировать старших, Вася следил за начальником.

Корнев вместе с проводником отошел на берег озера и молча стоял, подавленный развернувшейся перед глазами картиной. Со всех сторон, по отвесной линии убегая в небо, теснились угрюмые горы. На их склонах щетинился густой ельник; лишь иногда он уступал место повисшим в воздухе скалам и серым каменным россыпям. За тесным кольцом гор, вплотную замкнувшим озеро, высились новые вершины, за ними виднелись еще и еще, и так до тех пор, пока низкое небо не скрывало от человеческого взора застывшего моря каменных шапок.

Было ясно, что это затерявшееся в горах озеро было рождено катастрофой. Возможно, еще в далекие времена горообразовательного процесса здесь прошла линия разлома, расколовшая, словно кусок сахара, горный массив. Бурные потоки раз-

мывали ослабевшую породу. Потом могучий ледник выпахал широкие долины, а на месте будущего озера вырыл глубокую котловину.

Корнев с точностью фотоаппарата успел запечатлеть в своей памяти такие мелочи, которые как будто бы совершенно не относились к делу. Он заметил, что все ущелье, все лощины и овраги сбегают к озеру и лишь на востоке разломилось кольцо гор. С той стороны доносился гул воды, вскипающей в порогах, бьющейся между камней, в тысячи брызг разбивающейся о скалы. Было ясно, что единственный сток из озера находится там, на востоке. Корнева вывел из задумчивости приглушенный голос старика:

— Что, начальник, оторваться не можешь? Страшновато?

Прошло несколько секунд, прежде чем Корнев ответил:

— Да, такое не каждый день увидишь... Где же твоя Медная гора затерялась? Которая она?

— Медная-то? — улыбаясь, протянул Зверев. — А вон, видишь, на той стороне озера вершина хохлатая, там пообочь ее другая высовывается, поменьше которая, — это и есть она самая. Значит, как со стороны озера подниматься станешь, посреди склона ямы заметишь. Чуть повыше и копи настоящие. Золотой камень на земле валяется. Да что говорить, завтра сам увидишь.

Корнев недоверчиво посмотрел на проводника.

— Странно, — проговорил он, — обычно медь в таких местах не встречается... Где-нибудь на крыльях водораздела, у подножия хребта — это другой разговор... А тут в самом центре Каменного пояса...

Но Корнев не успел закончить фразы. По берегу промелькнула голая человеческая фигура и с разбегу бухнулась в озеро. Через мгновение на взбаламученной поверхности воды появилась голова Бедокура, и его крик разорвал воздух:

— О-о-ой! Ко дну тянет! Помогите-и-те!

Через несколько секунд Корнев уже стоял по пояс в воде и протягивал Бедокуру длинную сушину. Тот судорожно хватался за нее, но безуспешно: тонкая верхушка ломалась. Наконец, Бедокур крепко вцепился в протянутое дерево и, пошатываясь, вышел вслед за Корневым на берег, но тут же повалился на песок. Поднявшись с помощью товарищей на ноги, он тихо заговорил, как будто стараясь оправдаться:

— Сопрел в дороге. Освежиться захотелось. А вода такая студеная, что сил нет. И тело ко дну тянет, словно чугунные гири к ногам привесили. Спасибо тебе, Андрей Михайлыч, — обернулся он к Корневу. — Да что говорить, сам знаешь.

— Кипяток готов! Чай пить идите! — закричал от костра Вася Круглов.

— Я ребятам глухаря обещал, — усевшись у огня, заговорил Зверев. — Чаю напьюсь и пойду. А вы пока ужин варите. — Он маленькими глотками опорожнил кружку и прислушался: где-то в лесу лаяла собака.

— Вот и Серуха на зверя напала. Пожива будет. — Старик надел на плечи мягкую кожаную сумку и вскинул берданку.

— Ну, счастливо оставаться, — и он двинулся по направлению собачьего лая.

— А чего ты с сумкой будешь таскаться? — Оставил бы! — крикнул вслед старику Корнев.

— Что ты, Андрей Михайлыч, не дома ведь... У меня в ней все припасено. Мало ли какой случай... Береженого-то бог бережет... Ну, так счастливо! — И он скрылся за деревьями.

— Вот и старик тебе, — развел руками молчаливый Колька Рубцов, приятель Бедокура, — а прити побольше, чем у молодого.

— Мда. Приглядывать бы за ним надо, — подтвердил Васильич, устало откидываясь на траву.

Разговор потух, как потухают в костре прогоревшие угли. В ожидании ужина все растянулись на земле и заснули мертвым, непробудным сном. Только Рубцов остался сидеть у огня, чтобы следить за преющей кашей. Но и он вскоре задремал.

Когда Вася Круглов проснулся, было уже за полночь. В костре тлели последние угли, а Рубцов спал, съевшись у огня и не выпуская из рук деревянной ложки.

Вася разбудил остальных. Вялые, расслабленные люди нехотя ели подгоревшую кашу и вновь заваливались спать.

К утру туман, заволокший ночью всю котловину, растаял в лучах солнца. Корнев поднялся первым, вышел на берег и умылся. То ли от жгучей озерной воды, то ли от прозрачного свежего воздуха его мышцы приобрели гибкость, упругость, которой давно не знало стареющее тело. Легким пружинистым шагом он вернулся к ночлегу.

По привычке, выработанной многими годами странствований, он осмотрел лагерь и задержал свой взгляд на каждом из спящих. Зверева среди них не было.

Рабочие между тем тоже начали просыпаться. Сладко потягиваясь, они выходили на солнечную

полян. Васильич, который на привалах обычно держался ближе к Звереву, первым обнаружил отсутствие проводника.

— И где его, старого, носит, — угрюмо проворчал Бедокур.

— Загулял, не иначе. Пестуна, поди, подстрелил. Придется идти помогать. — За шуткой Корнев скрывал тревогу.

Когда окончился завтрак, он отвел в сторону Бедокура.

— Я с Василием и Рубцовым иду на Медную гору. Ты останешься за начальника. Смотри, чтобы все в порядке было. Сам знаешь, до лагеря семь дней киселя хлебать, а продуктов много-много дней на шесть осталось.

— Как можно, Андрей Михайлыч, мне... — Бедокур оборвал фразу и отвернулся. Ведь начальник знает, что когда-то он был шаромыжником, и все-таки доверяет ему людей, продукты и, в конечном счете, — судьбу головного отряда экспедиции... Как сквозь сон, до сознания Бедокура доходили слова Корнева:

— Если старик придет, скажи, что я ему запретил уходить. Пусть дожидается. Людей не распускай. Понял?

— Все в порядке будет. Не сомневайся, начальник.

Корнев, Рубцов и Вася Круглов, вымокнув по пояс, переправились через быстрый поток. Затем они пересекли лесной кряж и спустились в тенистую лощину, в которую редко заглядывало солнце. Приземистый ивняк широко разросся во все стороны, а гнилая зацветшая вода мутно блестела

между кочек. Отсюда начинался подъем на Медную гору.

— Ну что ж, пошли, — радостно усмехнулся Вася и стал торопливо взбираться на крутой склон.

— Тише, тише. Испортишь дыхание, — удерживал Корнев нетерпеливого парня. Сам он, как всегда, поднимался ровным замедленным шагом и вполголоса насвистывал любимую арию. Только чаще, чем обычно, останавливался у обнажений и долго рассматривал отколотые куски породы. Потом разочарованно откидывал их в сторону и нагонял товарищей.

На середине горы к нему подбежал Вася. По-детски возбужденное лицо его покраснелось, из-под сдвинутой набок фуражки стекали крупные капли пота. Вслед за ним подошел мрачный Рубцов. Отдышавшись, Вася вынул из кармана несколько образцов и безнадежно повел рукой:

— Граниты одни, Андрей Михайлович.

— Знаю.

— Скажите, а в гранитах месторождения быть не может?

— Разве только месторождение строительных материалов, — усмехнулся Корнев, — а меди — едва ли.

Через несколько минут откуда-то сверху донесли громкие удары геологического молотка и вслед за ними радостный крик:

— Андрей Михайлович! Андрей Михайлович! Сла-анцы!

— Иду!

Корнев внимательно осмотрел протянутый образец и перевел на Васю серые немигающие глаза.

— Еще, правда, не ярко выраженные, но по структуре... — запнулся парень и смолк.

— В другой раз не путайте сланцев с гранито-гнейсами.

— Но ведь мы уже на середине склона, а никаких признаков меди нет... Как же быть? — растерянно спросил Вася и сразу обмяк, осел, услышав ответ Корнева:

— А почему вы ршили, что медь должна быть именно здесь?

— Старик так говорил.

— Нам с вами нельзя жить стариковским умом. Самим мозгами шевелить надо. Сейчас мы разойдемся. Вы с Рубцовым — налево, я — направо. На вершине встретимся.

Корнев первым добрался до вершины. Он уже кончал зарисовывать схему горного массива, когда снизу послышались шаги. Обернувшись, он увидел Васю и Рубцова, которые шли, опустив головы, еле волоча утопавшие во мху ноги.

Корнев сделал очередную запись, не спеша сверил свою схему с беспорядочным нагромождением крутобоких вершин, пологих отрогов и широких плато, что, словно на вытянутой ладони, развернулись перед его глазами. Только после этого он поднялся с камня.

— Ну, что? — подошел он к Круглову.

— А у вас? — и Корнев поймал на себе доверчивый, полный надежды взгляд Васи. В глазах этого паренька было все: и нечеловечески трудный путь по порожистым рекам, и длинные переходы через непролазные леса и болота, и вера, неиссякаемая вера в то, что все испытания предыдущих дней окупятся на Медной горе. Но Корнев знал,

что лучше одним взмахом обрушить на человека неприкрытую горькую правду, чем поддерживать в нем несбыточные надежды и бояться, что эту правду он откроет сам.

И Корнев, отчеканивая каждое слово, коротко ответил:

— У меня то же самое — граниты.

Плечи Васи вздрогнули. Он изможденно опустился на землю и отвернулся от Корнева.

— Значит... значит... — но слова застревали во рту, и к горлу подкатывал липкий комок, которого ни вдохнуть, ни выдохнуть.

— Значит, старик ошибся. Медную руду следует искать не здесь, — окончил за него Корнев. — А тебе, Вася, надо относиться к этому спокойнее. И не такое в нашей работе бывает. Возьми образцы и заеткируй. — Сам Андрей Михайлович сохранял полное самообладание, и едва ли кто-нибудь смог бы догадаться, что сейчас решается судьба экспедиции. Только особый металлический оттенок голоса и тугие желваки, медленно перекачивающиеся по худым, давно не бритым скулам, выдавали внутреннее напряжение этого человека.

— Теперь для нас самое главное — вернуться в лагерь, — снова заговорил Корнев, когда коллектор завернул в бумагу последний образец. — А сейчас давайте еще раз обследуем эту горку и пойдем к ночлегу.

Вторичный осмотр не принес ничего нового. Напрасно Корнев сквозь сильную лупу рассматривал горные породы. Напрасно он разбивал выветрившиеся валуны: серые однообразные граниты, словно бородавки, устилали землю. Он спускался в каждую покрытую дерном яму и раскапывал

почву: отвалов старых выработок на склоне горы не нашлось. Это была обычная, покрытая мхом и густым сльником, крутая неприметная вершина, походившая на тысячи ей подобных, и только глухие предания выделяли ее из ряда других. Но теперь рушились и эти предания, и, возможно, здесь обрывалась биография Медной горы.

Напряженным безмолвием встретил Корнева временный лагерь. Все столпились вокруг него и ждали его слова. Конечно, Медная гора должна оправдать их надежды, оплатить лишения. Тем труднее было Корневу произнести несколько коротких лаконических фраз. Но все-таки о чем-то нужно было говорить. И Корнев жестко обронил:

— Завтра на рассвете уходим обратно.

Из толпы выдвинулся Васильич. Он снял старую, вылинявшую фуражку и поскреб заскорузлыми пальцами в рыжих отросших волосах.

— Что идти надоть — сами понимаем. Харчи-то на исходе. А ты бы дал глянуть, какая она из себя, медная руда. За ней, поди, и пришли сюда.

Корнев ответил тихо, но так внятно, что окружающие его рабочие не услышали, а скорее догадались:

— Медной руды нет.

Короткие сухие слова, как известие о катастрофе, медленно доходили до сознания. Эти слова таили в себе что-то огромное, тяжелое, чего нельзя ни ощутить, ни понять.

— Как... как ты говоришь? — начал Васильич, но его перебил Галкин, до того безучастно стоявший в двух шагах от остальных.

— Значит, обманом завел нас? Сам золотые горы сулил, а теперь на попятный? — Он подско-

чил к Корневу и обеими руками вцепился в борта его комбинезона.

— Отвечай! Ну, от-ве-чай!

Корнев молча разжал скрюченные пальцы парня и с такой силой отвел его руки от себя, что тот едва удержался на ногах. Корнев спокойно обернулся к Бедокуру.

— Старик пришел?

— Ищи ветра в поле... Пропал...

— То-то и оно, — заговорил Васильич потухшим голосом, — завел нас, а сам скрылся. Как же выйдем... как же выйдем из лесу-то?

Он оглядел товарищей, но увидел только хмурые, растерянные лица. Каждый думал о своем и все вместе — о трудных верстах лесной беспредельной тропы.

К Корневу подошел Рубцов и молча бросил свои рваные, изношенные сапоги.

— Ты что?

— Как что? С тобой по горам таскался, все на себе продрал. Сам ходи в таких!

Корнев сел на поваленное дерево и протянул Рубцову ногу, обутую в цельнотянутый болотный сапог.

— Ну что ж, снимай, коли перед товарищами не совестно.

Никто, даже Галкин, не поддержал Рубцова.

Не ожидавший такого оборота дела Рубцов устыдился, поднял свои сапоги и юркнул за спины товарищей.

Корнев поднялся с дерева. Голос его звучал резко и властно:

— Положение трудное, но головы вешать нечего. Выйдем по компасу. Бедокур! Выдай каж-

дому по два сухаря и по куску сахара. С вечера приготовить рюкзаки и подремонтировать обувь. На рассвете уходим.

«НА ЮГО-ВОСТОК, ТОЛЬКО НА ЮГО-ВОСТОК!»

Горы. Кругом горы. То похожие на хмурые надгробные памятники, то заломленные и всклокоченные, словно казацкие папахи, то напоминающие гигантские купола древних соборов. Между гор ярятся потоки, белым кипением об-

дают скалы. Гремущие ручьи скачут с камня на камень, на сотни отдельных протоков разбиваются в падунах и струями сплошного гремящего серебра низвергаются на дно ущелий. А в ущельях — сумрак, прохлада, сырость. Лишь самые верха отвесных полированных стен освещает робкое солнце. И кажется — еще несколько шагов, и скалистый коридор упрется в непокорное темя горы, и не сыщется, ни за что не сыщется выхода из глубокого каменного колодца. Но ущелье делает крутой вираж, под прямым углом обрубает гору, и уже наступаются отвесные стены, и косое закатное солнце освещает мокрые камни; но горы снова теснятся вокруг, словно прессом, сжимают ущелье, и с каждым шагом все сужается и сужается каменный коридор... Затем ручей выбегает в широкую долину,

горы далеко расходятся в стороны, и под ногами шумит высокая наливная трава.

А вверху с немолчным гулом полчищами кружится мелкая мошкара, словно колючая пыль, пронизывающая воздух. Ни плотные сетки накомарников, сотканые из конского волоса, ни дым сигарок, ни густая смола, которой обмазаны лица, не спасают путников от назойливых атак лесного гнуса. И только когда над молчаливыми горами, над гремучей водой, над бездонными ущельями размахнет совиные крылья мутная северная ночь, люди снимают окровавленные сетки и глубоко вдыхают свежий озонированный воздух. Они спешат воспользоваться короткой передышкой и еще на несколько километров продвинуться вперед. Но цепкий кустарник оплзает колени, из-под ступней вырываются невидимые в темноте шаткие камни, и настолько трудно становится поднимать застывшие ноги, что кажется — надеты на них многопудовые водолазные сапоги с толстыми свинцовыми подошвами. И люди дышат порывисто, задыхаются, словно рыбы, выброшенные из воды, ловят воздух и все-таки волочат по земле разбитые ноги и медленно идут по ущелью.

Но вот один из идущих, будто слепой, выбрасывает вперед руки, делает несколько неуверенных шагов и, как подрубленное дерево, тихо падает на землю. Над ним склоняется товарищ, а вслед за ним подходят и остальные. Привал.

Только через полчаса, не раньше, кто-нибудь, чаще всего Бедокур или Вася Круглов, приносит охапку хвороста и разводит огонь.

Лица всех с надеждой обращаются к Корневу. Он развязывает рюкзак. Продуктов при самом

строгом рациионировании едва-едва хватит на три дня. Прошло уже пять суток с тех пор, как отряд покинул озеро Амнеш, а Корнев чувствует, что он сбился с дороги.

Это началось в первые же часы после выхода с озера. Корнев пытался идти по пути, проложенному Зверевым, но беспрерывные зигзаги сбивали с толку. Тогда он повел отряд по компасу, но скалистые горы постоянно преграждали путь. А люди устали, выбились из сил и не могли преодолеть их.

Корнев уже готов протянуть кашевару последние банки консервов. Но впереди — горы, ущелья, падуны и страшное лесное безлюдье. Лишь где-то там, между восходом и полуднем, на юго-востоке, притаился полотняный лагерь. Но кто знает, сколько верст глухого бездорожья лежит между отрядом и лагерем? Возможно, впереди многие дни блужданий по узким оленьим тропинкам, утомительные перевалы через круторебрые кряжи, трудные поиски дороги на юго-восток...

Корнев закусывает запекшиеся губы и тугим узлом затягивает рюкзак. Впалые лица спутников торопливо отворачиваются от него. На этом кончается напряженный безмолвный разговор. Гнетущая тишина сторожит засыпающих. Лишь полуночный филин потревожит ее протяжным гуканьем и снова зароется в мшистые ветви густой ели, подкармливая неосторожных мышей.

Но уже тает белесая мутная ночь. Над спящими кружатся густые, как дым, тучи лесного гнуса. Мошкара забирается под рубашки, липнет к волосам, набивается в сапоги; она пробирается всюду

и пьет, пьет тысячами тончайших хоботков теплую человеческую кровь.

Измученные люди скребут заскорузлыми пальцами поющую, словно после ожога, кожу, переворачиваются с боку на бок и просыпаются.

Корнев выдает кашевару две банки консервов, шепотку соли и бережно отсыпает кружку пшена. Это завтрак на девять человек. И еще вечером каждый получит по миске дымящегося водянистого супа. Проси не проси — Корнев не даст лишнего. Только в том случае, если удастся подстрелить глухаря, на долю каждого и вечером выпадет сытная пища. Но в патронташе остается ровно столько патронов, сколько ртов в отряде. А дорога? Кто знает, сколько дней суждено им скитаться? И Корнев не смеет рисковать.

И снова начинается день, похожий на все предыдущие. Но сегодня еще сильнее, чем вчера, усталость гнетет затекшие ноги и еще резче чувствуется сосущая боль в пустых желудках. С каждым днем все труднее карабкаться на скользкие скалы, пробираться сквозь нехоженые заросли и перепрыгивать с камня на камень в глубоких отвесных ущельях.

А Корнев как будто не знает усталости. Он по-прежнему упорно пробивается на юго-восток. Для него это — не только кратчайший путь к лагерю. Чутье опытного геолога подсказывает Корневу, что там, на юго-востоке, возможны выходы известняков, а следовательно, и медной руды. Но, не желая обольщать товарищей напрасными надеждами, он молчит о своих предположениях.

Цепи гор и отвесные, стремительные, как полет стрижа, пропасти пересекают дорогу; тогда Кор-

нев сворачивает в сторону, но лишь для того, чтобы через несколько километров снова обернуться лицом к югу, не найдя прямой дороги, вновь описывать крутые зигзаги, вброд переходить порожистые реки, упрямо пробиваться на юго-восток.

А вслед за Корневым, до мельчайших подробностей повторяя его движения, вьется послушная цепочка людей. И Корневу становится жутко. Неужели это — слепая покорность? Неужели самые сокровенные источники жизни, что вечно влекут советского человека к победе, иссякли в его спутниках? Значит там, на берегу озера Амнеш, свершилось самое страшное: товарищи больше не верят ему. И какие усилия нужны для того, чтобы возродить эту веру?

Где-то в хвосте отряда уже ведутся негромкие разговоры.

— Дсь за дсьм шагасм, а все без толку, — стонет Васильич.

— Начальник словно слепой. Глаза потерял, как старика не стало, — переводит дыхание Галкин.

И снова идут. И медленней, чем прежде, поднимаются с перекурок, как будто раздумывают: стоит ли идти?

— Ох, сил нет, — оступается Рубцов.

— Хоть бы конец скорей, что ли.

Молчание. Только под ногами хрустят ветки, шуршит галька.

Корнев снова пытается прорвать цепь гор и пробиться к долинам, но, как и прежде, попытка кончается неудачей.

— Упрямя, что твой бык, — злобно ворчит Галкин. — Пропадем с таким.

— Молчал бы уж лучше, — поворачивает голову Круглов.

— Цыц ты, наушник... Не то шею сверну. — Галкин замахивается на Васю.

— Потихе, — останавливает его Бедокур. — Языком болтай, а рукам воли не давай.

— А ты откуда выискался? Две собаки дерутся, третья не лезь.

— Ну? — Бедокур засучивает рукав. Но Галкин вбирает голову в плечи и замолкает. Тишина. Кто-то свертывает «козью ножку», чиркает спичкой, но, опомнившись, тушит ее и высыпает табак в кисет.

— На три закрутки осталось, не раскуришься.

— У начальника попроси. Он ягеля даст.

— Так же, как Кольке сапоги, — хихикает Васильич.

— Я прежде за себя краснел, а сейчас и за тебя придется, — отворачивается Рубцов. — Хоть старик, а совести не имеешь.

— Совесть после обсудим. Сейчас о шкуре своей заботься, — вмешивается Галкин. — Ну, иди, иди. Что глаза-то вылупил?

К полудню шестого дня отряд подошел к западному склону Голой горы. Так назвал ее Корнев, издали завидев безлесную вершину. До позднего вечера пробирались вдоль ее подошвы. И теперь на западе, закрывая полгоризонта, высоко возвышалась над другими, каменела Голая гора. На восток, упираясь в ее плечи, сбегали лесистые отроги. Оставалось перевалить через них, и путь на юго-восток будет открыт.

В течение нескольких часов Корнев отыскивал

южный выход ущелья. Но его, как назло, не находилось.

Корнев смерил глазами высоту вертикальных каменных стен, узкие линии уступов, что террасами тянулись к вершине ущелья, и остановился.

— Что ж, товарищи, полезем? Ничего другого не остается.

Сзади молчали. Корнев ухватился за ближнюю выбоину и подтянулся на жилистых руках. Он карабкался, как кошка, приликая к шероховатостям стены. Спутники со страхом следили за ним. Но кончики его пальцев уже дотронулись до первого уступа. Корнев ослабил мускулы, напряжился и сделал резкий рывок. А вверху, на расстоянии двенадцати-пятнадцати метров друг от друга, тянулось еще шесть таких же террас. Корнев отвел глаза от сверкающей крутизны и склонился над краем обрыва. Он крепко уперся ногами и протянул руку Васе Круглову, карабкающемуся вслед за ним.

Над уступом показалась взъерошенная голова Бедокура, а затем высунулся огромный горб, навьюченный на его плечи.

— Где такую ношу набрал? — встретил его Корнев.

— С Кольки рюкзак снял, неможется ему, не под силу с грузом тащиться. Крепок парень: в чем душа держится, а лезет, не отстаёт, — проговорил Бедокур с явным одобрением.

И действительно, Рубцов упрямо отвоевывал метр за метром. Он подолгу отдыхал, уцепившись за каменные бугры, ждал, когда утихнет дрожь непослушных пальцев, и лез дальше.

Внизу раздался грохот падающих камней, затем глухой шлепок и крепкая ругань Васильича.

— В чем дело? — склонился Корнев.

Ему ответил дружный хохот.

— Васильич с парашютом прыгает.

— С двух аршин начинает.

— Ну, лезь давай. Нечего языки чесать, — крикнул Корнев и стал взбираться на вторую террасу.

На середине пути, после нескольких неудачных попыток продвинуться вверх, он отстегнул от пояса геологический молоток и стал высекать в скале лунки. Одной рукой он цеплялся за неровности стены, а в другой — мерно, расчетливо взлетал молоток.

Смотревшим снизу казалось, что Корнев вот-вот сорвется со скалы, но он ломал ногти, сдирал кожу с ладоней, судорожно цеплялся за выемки и бил, бил. Молоток высекал искры. Корнев преодолевал последние метры. Он едва успел достигнуть второй террасы и устало прислониться к стене, как до его ушей долетели смутные голоса рабочих. Но кровь громко стучала в висках и мешала слушать. За спиной послышался шорох. Корнев обернулся. Перед ним стоял Бедокур и тупо смотрел вниз.

— Что такое?

Бедокур переступил с ноги на ногу.

— Вот что, Андрей Михайлович, — проговорил он чужим глуховатым голосом. — Ребята вниз тебя требуют.

— Как вниз? — удивился Корнев.

— Голов, вишь, ломать не желают. Труса празднуют, — пояснил он.

— Ты с ума сошел? — Корнев положил свои руки на плечи Бедокура и пристально посмотрел ему в лицо. — По-твоему, сейчас спускаться, а потом все сызнова начинать? Так выходит?

Ответа Корнев не услышал. Внизу вновь загудели голоса, и теперь до его слуха явственно доносились отдельные выкрики:

— Давай его сюда!

— Думает, что харчи забрал, так и уходить можно... Не на таковских напал! — покрыл общий гул ломкий фальцет Галкина.

Корнев шагнул к краю обрыва. Несколько секунд — спокойный, строгий — стоял он, прищурив глаза, и выжидающе глядел вниз на столпившихся людей. Сразу оборвались выкрики. Тогда он стал неторопливо спускаться, по несколько раз нащупывая ногой выбитую лунку.

Ступив на землю, Корнев стряхнул с гимнастерки мучнистую каменную пыль, передернул ремень и четким военным шагом, сопровождаемый Васей и Рубцовым, подошел к рабочим.

— Ну, что? — тихо, но внятно спросил Корнев. Глядя на его окаменевшее лицо, никто не мог угадать, что через несколько минут сделает, что скажет этот пятидесятилетний коренастый человек. Его спокойствие подавляло. Никто из рабочих не решался выступить первым.

— Сразу и язык проглотил, — зашептал Васильич на ухо Галкину. — Говори.

Галкин шмыгнул носом, откашлялся в кулак и боязливо подвинулся вперед.

— Вот что, начальник, — начал он издалека. — Нам с твоей дорогой не по пути.

— Ну?

— И решили мы промеж себя продукты поделить... Всем, значит, поровну. Согласен?

— Согласен.

Галкин, пораженный податливостью начальника, окончательно осмелел.

— И все, значит, куда хотят, туда и идут... Вот наше решение.

— А куда ваша дорога лежит? — полюбозытствовал Корнев.

— Наша-то? Известное дело — напрямик к лагерю. В ту сторону, — Галкин указал рукой на пологие, сбегаящие к долинам холмы, что мягко зеленели на северо-востоке. — Там путь полегче, значит, и дойдем быстрее.

— Быстрее, говоришь? Это хорошо. Тогда и я с вами иду.

— Андрей Михайлович! Андрей Михайлович! — Вася дернул Корнева за рукав и торопливо отвел в сторону.

— Пусть они идут, куда хотят, а мы с вами на юго-восток. Ведь лагерь на юго-востоке. Вы сами говорили...

— Ничего ты, Вася, не понимаешь! — раздраженно бросил Корнев и обернулся к Галкину.

— Веди, что ли... Ты теперь за начальника.

— А продукты? Будем делить? — нерешительно спросил Галкин.

— Продукты остаются при мне, — ответил Корнев, и ему никто не посмел возразить.

Галкин исподлобья оглядел «свой отряд», для острастки прикрикнул на Рубцова и приказал выступать в дорогу.

Вася шел рядом с Корневым и негромко угова-

ривал его вести отряд на юго-восток. Наконец Корнев оборвал его:

— Взрослый ты человек, Василий, а не понимаешь... Зверье, когда нагрянет беда, и то сбивается в кучу... Я за каждого — за тебя, за Васильича, за него, — Корнев указал на шагающего впереди Галкина, — перед народом, перед партией отвечаю. Распустить людей проще всего, а вот вывести — потруднее. А я выведу. Понял теперь? — и он наклонил голову, давая понять, что разговор окончен.

Галкин с сознанием собственного достоинства храбро вел отряд по ложбине, разделяющей надвое пологие горы, что с севера замыкали ущелье. Но ближе к седловине ложбина сузилась. Стиснутая горами, она, словно лодка, потерявшая руль, заметалась из стороны в сторону. Вслед за Галкиным весь отряд начал выписывать ломаные зигзаги. Появились недовольные. Тогда Галкин резко повернул в сторону. Отряд перевалил на противоположный скат горы. Пока спускались по склону, все шло хорошо. Ноги сами собой обгоняли друг друга, весело приминая траву. Даже усталые не чувствовали усталости, даже голодные забыли о голоде. Но скат окончился. Впереди лежало болото, бурое, как мокрый песок. Кругом — ни куста, ни травинки. А на той стороне блестели курчавые холмы.

Они манили к себе. И Галкин решил попытаться счастья. Но, сделав несколько шагов, он по пояс провалился в густую вонючую жижу и с трудом выбрался на берег.

— Близок локоть, да не укусишь, — безнадежно проговорил Васильич.

— Видно, и у Галкина глаз не востер, коли дорога не сыщет, — ответил ему кто-то.

Тогда Галкин пошел прочь от болота. Отряд неохотно последовал за ним. То у одного, то у другого возникала потребность или перевязать бечевкой развалившийся сапог, или прилечь на траву, или просто, прислонясь к дереву, перевести дыхание. А Галкин, боясь потерять из вида солнечные холмы, опять сворачивал направо и опять упирался в болото.

Так могло продолжаться до бесконечности. Но на одном из поворотов Бедокур отстранил Галкина и занял его место. Галкин безропотно принял отставку. У него не было ни опыта, ни авторитета, ни уверенности в собственной правоте, чтобы быть руководителем.

Рядом с Бедокуром встал Корнев. Настало его время действовать. Позади идущим казалось, что отряд возглавляет Бедокур, но за каждым движением его неотступно следил Корнев, и Бедокур во всем подчинялся ему.

Где-то далеко в стороне осталось топкое болото. Снова лес, густой, тысячетный, нехоженный. Дорога снова то круто убегает вверх, то прыгает с камня на камень, то плавно скользит по ровному дну лошины. Солнце уже скрывается за серыми, дымными облаками, пепельный сумрак заволакивает горы, а отряд идет, идет и идет. У Рубцова подкашиваются ноги, он шатается, падает. Но его подхватывают крепкие руки товарищей, и, опираясь на их плечи, прихрамывая, Рубцов идет. Но и самые выносливые теряют силы, требуют привала. Тогда Корнев говорит им:

— Еще два километра — и баста! И я обещаю хороший ужин.

И они снова идут.

Когда молочная, мутная ночь разлилась по болотам, по тундре, по ущельям, оленья тропинка круто побежала вниз, и отряд уперся в отвесную каменную стену. Семь высоких террас, словно ярусы гигантского цирка, опоясывали ущелье. А сверху тянулись свежие пятна выбитых лунок.

Один за другим подтягивались отставшие. Когда все собрались, Корнев тихо сказал:

— Завтра снова полезем на стену. А кто не хочет, кто знает лучшую дорогу — два шага вперед! Я выдаю продукты.

Но никто не шевельнулся. Корнев подошел к Галкину:

— Ну, а ты что же?

Галкин угрюмо молчал.

— Воды в рот набрал... А как буза, так первый! Теперь что скажешь? — выкрикнул Вася, уже успевший расположиться на большом плоском камне.

— Лезть надо, один конец! — хмуро ответил Галкин и зло посмотрел на товарищей.

— Ты разреши, Андрей Михайлович, мы его по-своему проучим, чтобы вперед неповадно было народ мутить, — выдвинулся из толпы Бедокур. Остальные одобрительно загудели.

— Этого еще не хватало, — устало поморщился Корнев.

А ужин действительно выдался заправский. Чтобы одолеть отвесную стену, нужны крепкие ноги, цепкие пальцы и упругие мускулы. И Корнев с расточительной щедростью опытного полководца,

бросающего в бой последние резервы, разделил оставшиеся продукты на три части. Первая целиком была съедена вечером. Вторая предназначалась на утро. Третья оставалась неприкосновенной.

Корнев проснулся на рассвете, сизом, как тающий дым. Такие же сизые, как рассвет, над ущельем плыли стаи кучевых облаков. Облака громоздились на Голой горе и, словно языки снега, медленно сползали по ее склонам. Корнев взглянул на низкое небо, сокрушенно покачал головой и подкинул в костер пару больших сучьев: пусть товарищи спят. Затем он осторожно снял с дерева старую двустволку, любовно провел рукой по полированному ложу орехового дерева, сдул с потускневшей стали пыль и легким бесшумным шагом направился к лесу.

Вернулся он часа через два, неся в руке матерого глухаря. Четыре килограмма чистого мяса восстановили растроченные силы. Сразу после завтрака начался подъем на стену.

Полдень застал отряд на четвертой террасе. Успех воодушевил людей. Но неожиданно пошел дождь. Мелкий, колючий, он насквозь пронизывал брезентовые куртки. Каменные стены стали скользкими, как хорошо отполированный металл. А вверху возвышались еще три террасы, и эти террасы, омытые дождем, казались неприступными.

Тогда Корнев хладнокровно, не торопясь, стал высекать лунки. Он медленно поднимался по стене и, словно дятел клювом, сосредоточенно бил по камню закаленным в масле геологическим молотком. Корнев не оглядывался назад, но он знал, что за каждым его движением с замиранием сердца следят усталые, продрогшие товарищи. И эта не-

зримая связь с теми, кто верил в него, придавала Корневу сил, заставляла его, пренебрегая опасностью, лезть все выше и выше. Достигнув очередной террасы, он спускал вниз тонкую веревку, сплетенную из сыромятных ремней, и подтягивал по ней остальных. Потом карабкался на следующий уступ. Только однажды его сменил Бедокур.

Под вечер отряд выбрался из ущелья. Дорога на юго-восток была открыта. Впереди лежала ровная пологая тундра, затканная дымной сеткой дождя. Она казалась хмурой, бескрайной, как это тусклое небо, нависшее над ней. Только колючие кусты можжевельника да хилая, стелющаяся по земле карликовая березка росли на вершине горы.

Ночь коротали без огня: не было дров. Душный пар клубами поднимался от промокших курток, разбитые ноги кочнели, а усталость клонила головы. Но серый рассвет снова застал их в походе. Выбившиеся из сил люди шли до тех пор, пока не пересекли тундру и не спустились в полосу леса.

Здесь они отдыхали полсуток: сушили у костров насквозь промокшую одежду, отсыпались за бессонную ночь и набирались сил для дальнейшего похода. Через двенадцать часов они снова упрямо шагали на юго-восток.

Прошло еще два дня. Из продовольствия оставалось всего лишь несколько килограммов сухарей, да в патронташе Корнева хранились последние патроны. А лагерь? Разве скажешь, где он, когда горы затканы облаками, когда и лес, и болото, и тощий кустарник скрываются за мутной пеленой дождя и нужно вплотную подойти к камню, чтобы отличить его от человека?

Николай Рубцов ослаб окончательно. Товарищи поочередно подхватывали его под руки и насильно заставляли шагать. Каким-то образом нужно было воодушевить потерявших надежду людей, но Корнев пока ничего не мог придумать.

...Отряд отдыхал не меньше часа. Рабочие лежали на сырой, тяжелой траве, набивали трубки жестким ягелем и до слез кашляли, задохнувшись едким дымом. Андрей Михайлович давно кончил курить. От нечего делать он осматривался кругом и случайно заметил обнажение, притаившееся за молодыми березками. Даже в эти дни он не переставал следить за горными породами, и его полевой дневник пополнялся все новыми и новыми заметками.

Он осторожно поднялся с земли и подошел к обнажению. Конечно, все то же самое габбро! Корнев уже хотел вернуться назад, но взгляд его упал на валуны, что лежали рядом с выходом коренной породы. Это были валуны скарна с кристаллами медного колчедана цвета потускневшего золота. Они лишний раз подтверждали, что медь, которой не нашел отряд, действительно находится в районе.

Корнев горько улыбнулся. Но неожиданная мысль заставила его незаметно вернуться на прежнее место.

Через несколько минут он подозвал Васю Круглова и указал ему на обнажение. Вася побрел, прихрамывая. Он вовсе не был расположен тратить минуты отдыха на мучительную ходьбу. Но ведь это была его работа, его гордость, его честь.

Восторженный крик Васи поднял всех на ноги.

— Медь! Медная руда!

Все бросились к обнажению. Даже Рубцов, спотыкаясь, падая, волоча непослушные ноги, поспешил вслед за остальными.

Корнев оперся ногой о валун и скупно сказал:

— Товарищи! Каждому из нас приходилось трудно, очень трудно. Обиднее всего было сознавать, что мы слепо вверились случайному человеку и не смогли выполнить задания. И все-таки мы нашли руду. Мы еще вернемся сюда, будем рвать динамитом скалы и закладывать шахты. А сейчас надо любой ценой выйти к лагерю. Найдем мы в себе силы для этого?

Восемь человек ответили как один:

— Найдем!

И они шли, окрыленные надеждой, поочередно несли на самодельных носилках Николая Рубцова и время от времени бросали гневные взгляды на Галкина. Корнев часами выслеживал крупных, отъевшихся на морошке глухарей. Он почти вплотную подходил к дереву, на котором сидела птица, и только тогда спускал курок.

Но даже и эта добыча не спасала положения. Силы людей таяли с каждым днем.

Шли по компасу, строго на юго-восток. Однажды вечером дорогу преградило болото. Обойти его не удалось. Люди были не в состоянии сделать больше ни шагу. Надо было решать, что делать с Рубцовым.

И Корнев принял решение. На привале он позвал Бедокура.

— Подрезало парня... Утром останешься с ним.

А мы дойдем до лагеря и вернемся за вами. Другого выхода нет.

— Ну что ж, коли надо, останемся...

Все уже давно спали вокруг наскоро разложенного костра, а Корнев, обхватив колени жилистыми руками, долго следил за гибкими языками огня, внимательно прислушивался к сухому потрескиванию углей.

Сколько таких ночей, проведенных у костра, отгоревших по тундрам, как холодное голубое пламя, было в его жизни, беспокойной и тревожной!

Вот и посеребрили они, эти долгие ночи, первым заморозком его голову. Пригнули к земле крепкие, словно из чугуна литые, плечи. И теперь чуть разыграется непогода, скрипучая ломота корежит его тело, тупой болью отдастся в костях... Доктора говорят — ревматизм. А вот сейчас, когда никто не смотрит на него и можно запросто, как с задушевым другом, беседовать с самим собой, — что уж не сознаться: обманывают доктора, недоговаривают самого главного. Старость пришла, это она погнула его плечи. Может, и смерть так же нагрянет, и не заметишь ее, не услышишь легких, вкрадчивых шагов.

Сколько друзей, товарищей по скитаньям похоронено под серыми холодными камнями, сколько их, как высокое пламя, сгорело на крепком ветру, потонуло в морозных просторах!

Выдастся такая ночь, и до полночи сидит он у огня, неизменно покуривает старую трубку и снова проходит по узким, занесенным снегом тропинкам.

Мысленно он видит, как в туманной мгле шагает его одинокая, нескладная жизнь. Вот и сейчас присела она на дряхлую колодину и шурит лука-

вые глаза — дескать, помирай, разве жалко. Останутся в память о тебе, как угли отгоревшего костра, вечерние рассказы товарищей, вместе с тобой проложивших дорогу на Колыму, бок о бок с тобой торивших тропинки на снежные вершины Полярного Урала.

Что ж, если это старость, то это — большая, славная старость! И есть кому заменить его — Андрея Корнева. Для того же Васи Круглова экспедиция — только начало горячей творческой жизни, начало упорной, плодотворной работы. А сколько таких Кругловых воспитано им, Андреем Корневым!

Старость, встречающая молодость!..

Проснулся Корнев на рассвете. Все еще спали. Он вынул из рюкзака сверток, из которого высовывались куски сахара, непечатые крылышки птиц, сложенные в стопку галеты, и разбудил Бедокура.

— Вот возьми. Это мой, так сказать, неприкосновенный запас... От порций своих отделял...

— Спасибо, Андрей Михайлович. — Бедокур крепко обнял Корнева.

А утром они прощались. Уходившие стояли, понурив головы, боясь взглянуть на остающихся. Каждый понимал, что ожидает Бедокура и Рубцова, если в ближайшие дни не будет разыскан лагерь.

Корнев подозрительно долго возился с рюкзаком. Наконец ему удалось затянуть ремни. Он подошел к Рубцову, потрепал его по щеке, затем пожал руку Бедокуру.

В этом рукопожатии было все, для чего обычно не находится слов.

МОЛОДОЙ ГЕОЛОГ

В день, когда отряд Корнева покинул лагерь, Буров тоже приступил к работе. Четверых рабочих во главе с завхозом он отправил за топографическими инструментами и снаряжением. Свежие зарубки, сделанные Зверевым на

деревьях, указывали им дорогу.

Вскоре после их ухода и сам Буров, оставив одного рабочего сторожить лагерь, отправился в маршрут. Вместе с ним пошли коллектор Дерябин и Василий Угрюмый. Вначале Буров беспрестанно ловил себя на том, что он равнодушно проходит мимо обнажений и совершенно не следит за направлением маршрута. Его мысли витали над озером Амнеш, над вершиной Медной горы, где через несколько лет будет разбит постоянный поселок.

И легкая дрожь пробегала по его телу, когда он говорил себе, что на их долю выпала большая честь — подобрать ключи к драгоценному кладу медной руды, замураванному в недрах таежной земли.

— Никак горная лихорадка тебя схватила? — взглянув на возбужденное лицо Бунова, добродушно улыбнулся Угрюмый.

— Что такое?

— Горная лихорадка, говорю. Это со всяким бывает. Только доктора такой болезни не знают, потому и лекарства от нее нет. А без нее разве

можно? Какой интерес к работе будет, коли сердце холодным останется? Ты вот скажи: не терпится тебе медную руду отыскать, так, что ли?

— Ну, так.

— Она самая, горная лихорадка и есть. Кого она сильно треплет, из того хороший рудознатец будет.

Но и сама работа постепенно увлекала Бурова. Каждое обнажение, каждый кусок породы вырастали перед ним в сложную задачу, которую нужно немедленно решить. Уже через несколько часов работа подчинила себе его фантазию, заставила отвлечься от мыслей о Корневе. Приступ горной лихорадки прошел благополучно.

Маленький отряд разделился. Угрюмый и Дерябин шли по разные стороны от Бурова, стараясь держать расстояние метров в тридцать. Старый штейгер заметил среди осыпи серого гранита почерневший валун, тускло блестящий на солнце.

— Глянь-ка, Евгений, — черная овца в белом стаде! — крикнул он Бурову и стукнул палкой по камню.

Камень загудел. Буров подошел, отбил кусок породы и сдул с его поверхности каменную пыль. Свежий неровный излом золотыми огнями вспыхнул на солнце. Буров невольно отстранил руку и долгим взглядом посмотрел на сверкающий камень.

— У нас по-старинке его лунной рудой называли, — как бы про себя сказал Угрюмый. — Потому, цвет такой...

Но Буров уже ничего не слышал. Он рассматривал в лупу диковинный камень, чертил ножом по его поверхности и, неудовлетворенный чем-то, отбивал от валуна все новые и новые куски. Угрю-

мый молча отошел в сторону. Наконец Буров захопнул записную книжку и поднял с земли молоток.

— Настоящая порода! Посмотри-ка, Василий Иванович. Первосортная медная руда. Корнев правильно говорил.

Угрюмый подбросил на ладони кусок руды, как будто пытаясь по весу определить ее ценность, поковырял толстым, негнувшимся ногтем блестящий кристалл медного колчедана и, зевая, проговорил:

— Велика важность. Нашел один камень и обрадовался.

— Нельзя так, Василий Иванович. По валунам месторождения находят. Помню, лет десять назад я в первый раз поехал в поле — работать младшим коллектором. В Карелии это было...

— Ладно уж, верю, — с усмешкой оборвал Угрюмый. — По дороге доскажешь. Пойдем давай. Солнце, поди, не ждет, пока мы языками треплем.

Они окликнули Дерябина и втроем вышли из долины Полуденного Колчима, пересекли полосу пологих склонов и спустились в широкую мертвую равнину.

Еще совсем недавно здесь бушевал огонь. Колочий ягель вспыхивал, как сухой порох, и пламя, увлекаемое ветром, перебегало дальше и дальше, сметало все живое со своего пути, валило наземь седые смолистые сосны и запутывалось в ветвях густого сльника.

Обезумевшие лоси, высоко закинув ветвистые рога, били копытами горячую землю и стремительно мчались сквозь лесную чащобу, задыхаясь в едком дыму.

Медлительные глухари грузно взлетали кверху,

расправляли опаленные крылья, но, нагнанные душным языком огня, на секунду замирали в воздухе и черными обугленными комками валились в горящий кустарник.

Когда-то по этой равнине скользил мощный ледник. Глубокими морщинами он избородил землю и с ледяных плеч своих сбросил морену; и теперь здесь лежат валуны, и тонут ноги в сыпучем песке.

Так умирает жизнь.

Но экспедиция пробилась сюда, чтобы возродить этот край, чтобы омолодить его свежим дыханием жизни. Пройдут годы, и по следам геологов протопчут на север дороги толпы строителей и горняков, отряды агрономов, мелиораторов, звероводов; и там, где сейчас тянутся бесконечные болота, станет колоситься тучная рожь, на вершинах сумрачных гор вспыхнут созвездия рудников, по молчаливым северным рекам потянутся длинные караваны свежесрубленного леса.

Пройдут годы... А пока Буров внимательно рассматривал шероховатые ледниковые шрамы, которые точно показывают теперь направление, в котором двигался ледник. Это на ранней заре человечества, много тысячелетий назад ледники огромными длинными языками медленно сползали со склонов Уральского хребта. Они разрушали горные породы, сглаживали хребет и обнажали глубинные породы, к которым приурочено большинство рудных ископаемых Урала. И теперь, зная направление движения ледника, по отдельным валунам можно сказать, какие породы залегают за много километров отсюда.

Буров ориентировочно наносил на карту замкнутые бессточные озера, круглые, как фарфоровые блюдца. Эти озера образовались при таянии ледника.

Вечером пятого дня Буров вернулся в лагерь. В тот же день группа завхоза прибыла с водораздела. Утром седьмого дня Буров дал распоряжение готовиться к выходу. Он рассчитывал часам к четырем пополудни прибыть к Шайтан-горе и там встретиться с Корневым.

...Тропка извивалась вдоль невысокого кряжа, минуя покатые заболоченные долины и быстрые горные потоки. Привычным людям, закалившимся в утомительных переходах, пройти двадцать километров, пожалуй, было не труднее, чем горожанину совершить прогулку по прохладным аллеям тенистого парка. Но обнажения, то и дело попадавшиеся по дороге, задерживали Букова. Вместе с ним останавливался и весь отряд. Поэтому к Шайтан-горе они подошли поздно вечером, когда окрестные горы уже растаяли в мутном сумраке северной ночи. Но синяя до черноты Шайтан-гора встретила геологов глубокой тишиной.

— Я думал, что опоздали. Совестно было, — с облегчением сказал Буров, оглядывая гору.

— Ну и они скоро подойдут. Андрей не такой человек, чтобы слово свое не сдержать, — ответил Угрюмый.

Но и утром прежняя тишина висела над Шайтан-горой. Угрюмый поднялся на отвесную скалу, что нависла над сонной заводью небольшого озера. Он осторожно вслушивался в шорохи леса и долго-долго смотрел в дымную даль, в ту сторону, где лиловели зубчатые контуры хребта. Сумрач-

ный, озабоченный, он спустился со скалы и на вопрос Бурова: «Не видно ли костра?» — отрицательно покачал головой.

Чтобы не терять даром времени, Буров отправил часть рабочих обратно в лагерь: сложить каменную печь, заготовить хлеба, починить разорванные палатки. Сам Буров пока что решил провести несколько маршрутов, выбрав исходным центром Шайтан-гору.

Но группа Корнева не вернулась и к вечеру девятого дня. Четверо оставшихся для встречи молчаливо сидели на сучковатых колодинах. Они беспрестанно подбрасывали в костер кучи сырого мха и в душных клубах дыма спасались от назойливых комаров. А над всем: над бескрайним простором синей тайги, над крутыми зигзагами горных рек, над гнетущей тысячелетней тишиной — черным вороном распласталась Шайтан-гора. Казалось, что ворону надо сделать последнее усилие — и лопнут каменные цепи, что накрепко приковали его к земле, и он медленно поднимется в воздух, и его огромные широкие крылья повиснут над тайгой.

Но громадная черная птица уже потонула в непроглядной темноте, а у подножия горы все еще потрескивал одинокий огонь, и на влажной траве, на темных стволах деревьев ломались угловатые тени сгорбившихся людей. Люди говорили вполголоса, как будто боялись спугнуть торжественную тишину ночи, и за короткими задумчивыми фразами следовали долгие промежутки молчания. Разговор вертелся вокруг Корнева. Трудно было говорить и еще труднее было поверить, что Корнев мог заблудиться в тайге, которую он исходил вдоль и поперек за долгие годы скитальческой жизни.

Угрюмый длинным прутом ворошил в костре жаркие рубиновые угли. Медленные слова тяжело падали с его губ:

— Непохоже это на Андрея. Он человек расчетливый.

— Что же будем делать, Василий Иванович?— привстал Буров.

— А что делать?— Угрюмый выколотил пепел из трубки и для чего-то стянул с головы поношенный кожаный картуз.— Утро вечера мудренее, завтра и обсудим.

... Солнце только-только успело осветить далекие вершины гор, а Угрюмый уже прокладывал дорогу к лагерю. Вначале он послушно подчинялся причудливым поворотам узкой оленьей тропы, но вскоре свернул с нее и зашагал напрямик, по тысяче незаметных примет угадывая верное направление.

Через пять часов он уже был в лагере. А еще через полчаса в сопровождении трех рабочих, лучших ходоков экспедиции, направился к далекому водоразделу.

Оттуда нужно было принести динамит, капсулы гремучей ртути, свертки бикфордова шнура. На высоких вершинах взлетят столбы громовых взрывов, и Корнев увидит, услышит эти мгновенные маяки и, ориентируясь по ним, выйдет из тесного кольца гор, что где-то там, на северо-западе, вплотную зажали озеро Амнеш.

Буров с двумя оставшимися рабочими поднялся на вершину Шайтан-горы. Они нагребли большую кучу сухого ягеля, притащили охапки еловых ветвей и сырого прошлогоднего валежника. Буров

чиркнул спичкой. Вскоре дым повалил густыми, тяжелыми клубами. Они отвесно поднимались к облакам, и над горой, над лесом, над безлюдным простором, словно сказочный маяк, закачался высокий столб дыма. Все подняли головы и с надеждой следили за ним.

Буров отошел к краю обрыва и всмотрелся вдаль.

На востоке до самого горизонта тянулась пологая зеленая увала. Где-то далеко-далеко, то пропадая в пенельной дымке солнечного марева, то вновь пробиваясь сквозь нее, маячила высокая вершина Ялпин-Нёра — Сосьвинского молебного камня. Ближе к Шайтан-горе подбегали массивные чашеобразные горы. Полоса леса, словно вырубленная по нитке, обрывалась на их склонах и обнажала голые, неуютные вершины, лишённые древесной растительности. Эти горы когда-то служили очагами местных ледников. Ледники сползали по их ложбинам, в порошок стирали твердые горные породы и несли с собой валуны, гальку, песок. Ледники сгладили рельеф. В память о себе они оставили дымчатые зерна озер, всюду разбросанные между гор. Они заполнили широкие низины бурыми пятнами топких моховых болот. А в долинах, словно серебристая рыба чешуя, сверкали на солнце изогнутые линии горных рек и ручьев.

Буров видел, как разветвлялись реки и тонкими зигзагами тянулись дальше на запад, на северо-восток, туда, где угрюмо синел главный массив Уральского хребта.

Там, в этой дымной, неизведанной дали, пропал отряд Корнева.

Буров еще долго стоял на краю обрыва, прямо по местности намечая маршруты для поисков Корнева. Наконец он подошел к костру.

— Ты остаешься здесь, — сказал Буров одному из рабочих, Григорию Хромым. — Будешь с утра до ночи жечь костер. И смотри, чтобы дым далеко было видно. — А ты пойдешь со мной, — повернулся Буров к Никите Власову. — Вернемся дня через четыре, к приходу Угрюмого.

Буров хотел осмотреть весь район, прилегающий к хребту, зажечь на высоких вершинах сигнальные костры и оставить там краткие записки. Он быстро шагал по извилистым горным тропинкам, время от времени останавливался, вынимал горный компас. Никита Власов едва поспевал за ним.

Голубые сумерки застали их верстах в двадцати от Шайтан-горы.

— Что ж, заночуем? — обратился Буров к своему спутнику.

— По мне, все одно. Притомились порядком, а тут сухо, вода близко.

Пока Никита разводил огонь и готовил ужин, Буров решил забраться на соседнюю гору, благо бледные сумерки еще позволяли различать окрестность.

Никита общипывал убитую утку, когда Буров, порывисто дыша, прибежал назад.

— Что больно быстро, Евгений Сергеевич?

— Давай ружье. Некогда, — прохрипел Буров.

Никита засуетился. Как назло, патроны были запрятаны на дно рюкзака.

— Скорее!

— Куда торопишься? Зверя увидел, что ли?

— Огонь!

— Какой огонь? — встрепонулся Никита.

— Очень просто — костер. Недалеко.

— Чей костер? Может, начальника?

— Вряд ли, — махнул рукой Буров. — Тогда бы большой был. А то еле мерцает.

— Значит, вогулы, — безразлично проговорил Никита.

— Манси здесь не кочуют, — ответил Буров на бегу.

Вот здесь — каменный кряж. У его подножия, в ложбине, костер. Буров раздвинул ветви кустарника. Совсем близко от него, словно огненные крылья бабочек, трепетали робкие языки костра. Буров неловко поднял берданку и стал осторожно спускаться. Валежник хрустел под ногами.

У костра лениво заворчала собака. Но кто-то ее успокоил. Буров вышел из кустов. Человеческая фигура метнулась в сторону. Котелок, висевший над костром, опрокинулся, и вода залила огонь. Буров вскинул ружье.

— Сто-о-ой! Стрелять буду!

— Фу, вот напугал старика, — раздался знакомый голос.

— Зверев?! Ты!

На плечи Бурова бросилась Серуха. Длинным шершавым языком она лизала его щеки, нос, подбородок.

— Ну и подвело твои бока, — похлопал собаку Буров. — Где Корнев? — забыв пожать руку проводника, в упор спросил он.

— Корнев-то? — очнувшись от испуга, переспросил Зверев. — Там остался.

- Как там?.. Значит, заблудились?
— Видно, так.
— Почему вернулся один?
— Накорми сперва, потом и обскажу, как дело вышло. Да, по правде, и говорить-то нечего.
— Ну, это мы еще увидим, — строго произнес Буров, и они направились к ночлегу.

ПЕРВЫЙ ВЗРЫВ

Костер дымится у входа в палатку. Ветер заносит под брезентовые полотнища клубы синего прозрачного дыма. Густой промозглый дождь, не смолкая, стучит по крыше палатки. Буров, только что вернувшийся из очеред-

ного поиска, скидывает с себя промокшую одежду и докрасна растирает тело махровым полотенцем. Громко смеясь, он бьет ладонью Григория Хромых по голой спине, и они поднимают возню в углу палатки.

Зверев оборачивается к ним, протирает покрасневшие от дыма глаза и строго произносит:

— Разбаловались, будто сосунки двухмесячные... А то и невдомек, что, может, слезами горькими плакать надо... Начальника-то нет.

Хромых сразу замолкает, а Буров отстраняет налитую чашку чая, достает из вьючного ящика сухое белье и тотчас начинает одеваться.

— Так-то лучше, — одобрительно кивает головой Зверев и подсаживается к чайнику. Рядом с ним вытягивает лапы мокрая Серуха и, ожидая подачек, не мигая глядит на хозяина.

— Как успехи? — одеваясь, спрашивает Буров, хотя и чувствует, что проводник не принес новых известий о Корневе.

— Известное дело как, чуть не до самых оленьих пастбищ дошел, а ни следов человеческих, ни кострища старого, ничего не видел. Да погода-то, вишь, какая недобрая. Где тут человека сыщешь! — С этими словами Зверев бросает Серухе горбушку хлеба и неожиданно говорит: — Боюсь, не пропал бы наш начальник.

Бурову почему-то кажется, что в колючих глазах старика вспыхнул недобрый огонек и тотчас погас. Но это обманчивый ответ костра упал на лицо проводника и исказил его.

Сразу же после встречи с Буровым Зверев энергично взялся за поиски Корнева. На много верст вокруг не осталось такого уголка, куда бы не заглянул неутомимый старик. Буров поражался его кипучей деятельности, его способности сейчас же после короткого отдыха совершать длинные, утомительные переходы и, окрыляясь новой надеждой, вновь прокладывая путь сквозь тайгу, затканную туманом.

Поэтому Буров быстро подавил в себе неприятное впечатление, оставшееся от неожиданной встречи у ночного костра. Кроме того, обстоятельный рассказ проводника вполне убедил Бурова в случайности всего происшедшего.

В самом деле, разве не мог Зверев, гоняясь за молодым телком, отбившимся от лосихи, ушибить

ногу и вернуться на берег озера Амнеш, когда Корнев уже покинул его?

И если до сих пор они не напали на след Корнева, то старик в этом совершенно неповинен. На другой же день после прихода Зверева начался дождь. Туман заволок лес. Долины исчезли. Горы потонули в белесой мгле. Поиски приходилось вести вслепую. К тому же Василий Угрюмый явно запаздывал — прошло шесть дней с тех пор, как он ушел к водоразделу.

Когда окончилось чаепитие, Хромых затянул от комаров полотнища палатки и влез в спальный мешок.

— Нашли кого к водоразделу послать... Ему бы только за смертью ходить, — уже засыпая, пробурчал Зверев. Ему никто не ответил. Взаимное недружелюбие стариков было хорошо известно всем окружающим.

В середине ночи Бурова разбудил шум. Он неохотно раскрыл глаза, но долгое время ничего не мог понять. Палатка ходила ходуном. Она ежеминутно угрожала сорваться с колышков и обрушиться на головы спящих. Кто-то снаружи отчаянно тряс ее. Наконец, Звереву удалось нащупать спички и зажечь свечу.

Палатка разбухла от гула голосов. Пришедшие скидывали промокшие куртки, стаскивали с ног тяжелые сапоги и осторожно составляли в угол продолговатые рюкзаки с динамитом. Один из них уже раздувал костер, другой бежал к ручью за водой, третий пытался о чем-то рассказывать, но его голос тонул в общем гуле.

Закипевший чайник принес тишину в палатку.

Когда все уселись вокруг костра, Угрюмый неожиданно заметил Зверева.

— А, дед? Что, и Андрей вернулся? — удивленно спросил он, как бы не зная, радоваться этому известию или сожалеть о том, что сам он не сумел прийти вовремя.

— Да нет, отбился от Андрея Михайловича, — ответил Буров за растерявшегося старика.

— А-а, вот как... — сквозь зубы проговорил Угрюмый и больше не обращал внимания на молчаливого старика.

— А вы что поздно? — спросил Буров, желая переменить тему разговора.

— Ты сам потаскайся по горам да по лесу, тогда узнаешь, — вдруг рассердился Угрюмый. — Думаешь, шутка с динамитом идти? На скользкий камень встанешь — значит, крышка тебе: вместе с мешком на воздух взлетнешь. А болота? Раздулись, что мыльные пузыри. Я и так ребят замучил, слееле ноги волокли. Ну, ничего, отдохнут. А будут помнить, как с Угрюмым ходить, — засмеялся он и, окончательно потеряв пыл, добродушно продолжал: — От лагеря досюда мы ночью шли... Факела из бересты смастерили... Видишь — куртку прожег, списывать придется.

Угрюмый кончил пить чай, перевернул вверх дном кружку и стал развязывать принесенные рюкзаки.

— Ложились бы вы спать, Василий Иванович. Утром разберемся, — сказал Буров.

Угрюмый сердито обернулся:

— Да погоди ты... спа-ать! Может, динамит подмок, подсушить надо, а он — спать!

Когда совсем рассвело, все отправились на вершину Шайтан-горы. Буров и Хромых, поднявшиеся выше остальных, затаив дыхание, следили за скудными движениями Угрюмого. А он, не обращая внимания на товарищей, спокойно закладывал под скалу патроны динамита, смазывал мылом бикфордовы шнуры и острым ножом обрезал их кончики.

Угрюмый выпрямился — и трехкратное «берегись!» поколебало воздух.

Стоявшие в отдалении увидели, как струйка сизого дыма стала извиваться вдоль скалы. Вскоре показался и сам Угрюмый. Он шел обычным крупным шагом, не оглядываясь назад, как будто за его спиной не грозила ежесекундно взлететь на воздух скала и обдать вершину горы яростным ливнем каменных осколков. Угрюмый не спеша присоединился к остальным и, улыбнувшись в усы, проговорил:

— Через пятнадцать секунд шарахнет. Давай уходить.

— Чему радуешься? — взглянул на него Буров.

— Весело!

— Нашел время веселиться... Кто из нас думал, что на такое дело взрывчатку тратить придется?

— Ничего! Зато Андрей наверняка услышит. Я динамита не пожалел.

Над вершиной взлетели густые клубы газов, разрыхленной земли, каменной пыли. Отдельные камни, словно ракеты, взвились в небо. Оглушительный грохот потряс гору. Деревья закачались.

Пегий лось, склонив широкие ветвистые рога, пил из ручья студеную воду. Но мохнатая губа

вдруг часто-часто задрожала, а маленькие уши сторожко зашевелились. Сохатый вскинул гордую голову и, разбрасывая копытами гальку, поскакал вдоль ручья.

Черная матерая выдра, волоча по песку тяжелый хвост, выползла из речки и притаилась на берегу. Но неожиданно, описав в воздухе крутую дугу, бухнулась в воду.

Орел-белохвост, взмахнув метровыми крыльями, сорвался с высокой скалы и, словно камень, потонул в тумане.

Корнев еще не успел отойти от ночлега, как мощный гул прокатился по лесу и затих где-то вдаль. Все стояли притихшие, изумленные, не доверяя своим ушам. Но вслед за первым раздались еще два взрыва — тяжелых, призывных, отчетливых.

Даже Рубцов приподнялся на дрожащих локтях, вытянул шею, прислушался и снова бессильно откинулся на траву.

Корнев и Бедокур неуклюже обнялись и порусски — щека в щеку — расцеловались на глазах всего отряда.

Все понемногу пришли в себя. Бедокур и Василий подняли на плечи самодельные носилки с Рубцовым.

Корнев вынул компас и взял направление на взрывы.

— Будет головомойка Угрюмому, — недовольно проворчал он. — Нужно было вдвое меньше динамита заложить.

Вытянувшись цепочкой, отряд двинулся вперед.

Корнев медленно прохаживается по лагерю. Он любовно гладит рукой туго натянутые полотнища палаток и тихо улыбается. Только позавчера его отряд встретился с Буровым у Шайтан-горы, а вчера все вместе они пришли сю-

да — в свой постоянный лагерь, в походный полотняный городок.

Ветер шевелит волосы Корнева, обнажает серебристую прядь, но Андрей Михайлович забывает прикрыть ее крылом черных волос. Направо дымится сложенная из грубого камня самодельная печь. Теплый запах свежеепеченного хлеба щекочет ноздри Корнева. Немного поодаль рабочие калят в жарком костре угловатые камни, складывают их в кучу и натягивают палатку. Они плещут на камни холодную воду. Камни потрескивают, и густой душный пар распирает палатку. Баня готова. До Корнева доносятся возбужденные голоса, шипение горячего пара и удары березовых веников по мокрым телам.

Рабочие чинят одежду, стирают белье, играют в городки на только что расчищенной площадке. Некоторые просто уходят подальше от лагеря, выбирают тенистую уютную лужайку и часами лежат на траве, любясь солнцем, облаками, летним ласковым днем.

Вчера, сразу же после прихода, рабочие устро-

или собрание. Они требовали увольнения Галкина.

— У самого поджилки затряслись, так и нас хотел с толку сбить, — больше всех негодовал Бедокур.

— Ну и пусть убирается к лешему, — поддержал Васильич.

Корнев не возражал. Пусть уйдут все, кто слаб духом. Так лучше. Сейчас начинается самое тяжелое время, и чем сплоченнее будет экспедиция, тем успешнее пойдет работа.

К Корневу подходит проводник.

— Ты шибко занят, Андрей Михайлыч?

— В чем дело?

— Ежели шибко, я погожу, а то поговорить надо.

— Ну, идем в палатку.

Зверев садится рядом с Корневым и молчит, как бы не решаясь начать разговор.

— Ты что же, поговорить пришел, а сам воды в рот набрал. Выкладывай что есть.

Старик хмурится. Он жует губами и неохотно говорит:

— Галкин-то Федька нынче уходит... Односельчане мы с ним... Отпустил бы ты уж и меня...

— Что ты, старик! В такое горячее время нас бросать... Белены, что ли, объелся?!

— Пойми ты, Андрей Михайлыч, изробился я. Едва хожу... — монотонно, словно дождевые капли с водостока, роняет слова проводник. Вдруг, переменявшись в лице, он вскакивает на ноги. Маленькие глаза бегают из стороны в сторону, нижняя челюсть дрожит, выпячивая острый подбородок, а голос ломается на высоких нотах:

— Думаешь, легко старику? Все пальцами показывают, про озеро Амнеш вспоминают... Ты вот ладно — по тайге много хаживал, понимаешь, что всякое бывает. А другие-то, небось, говорят — завел нас старик да и бросил. А Медная гора все-таки там.

— Гора-то, может, и там, да руды на ней нет, — осторожно вставляет Корнев.

— Как нет? Значит, и ты думаешь — старик обманул? Так выходит?

— Что ты зарядил — обманул да обманул, — смеется Корнев. — Да и для чего тебе обманывать, скажи на милость?

— Ну то-то же, — успокаивается Зверев и достает из кармана небольшой камень: — Вот посмотри, когда тебя искал, около ручья нашел, что у Шайтан-горы бежит.

Корнев осматривает камень, сдувает с него пыль и протягивает только что вошедшему в палатку Бурову:

— Взгляните, Евгений Сергеевич, все та же скарновая порода... Валуны, конечно? — оборачивается он к старику.

— Валуны не валуны — кто их разберет... камни лежат, ну я и отколочил кусок... А на Медной горе такая же порода. Я уж знаю.

В течение нескольких минут Буров внимательно рассматривает образец. Потом он вынимает из выючного ящика куски скарновой породы, найденные им в первом маршруте, и сверяет их с находкой Зверева. Сразу бросается в глаза полное тождество образцов.

— Ну, Евгений Сергеевич, что скажешь? — Корнев берет камень из рук Букова и ждет ответа.

Буров задумывается. Он знает, что сейчас начнется все тот же бесконечный разговор, который повторяется по три, по четыре раза в день. Каким образом вести разведку? Этот вопрос мучает каждого.

— Валуны, кругом валуны, значит, есть и коренное месторождение, — не дождавшись ответа, говорит Корнев.

— Валуны и приведут нас к месторождению, — собравшись с силами, отвечает Буров.

— Вы, значит, не отказываетесь от своего предположения?

— Совсем наоборот. Чем больше раздумываю, тем сильнее убеждаюсь в своей правоте.

— Валунные поиски! — усмехается Корнев. — В мое время так искали только золото. И то больше надеялись на счастье.

— И счастье вывозило? — точно так же усмехаясь, спрашивает Буров.

— Не всегда. Я завидую вам, Евгений... Евгений Сергеевич, молодости легко решаться на безрассудства. Но ваши «валунные поиски», к сожалению, — детская выдумка, заманчивая яркая фантазия. И я не позволю, слышите, не позволю заниматься глупостями.

— Что ж, ведите съемку от Ялпин-Нёра до Тельпосиза — всего триста километров расстояния. Не правда ли, пустыки? Лет за пять можно кончить, — жестко произносит Буров и тянется к кيسету Корнева.

— Дайте и мне, старику, слово сказать, — неожиданно вмешивается в разговор Зверев.

— Ну, говори, говори, — соглашается Корнев.

— Тут и спорить не о чем. Была бы лошадь, а хомут найдется. А хомут и есть Медная гора. От счастья никто не бежит. Только из рук нельзя его выпускать, это известно. Снова на озеро идти надо, вот что.

— Нет, не выйдет по-твоему, старик. У озера Амнеш медной руды нет. Не те породы, не те условия залегания, — качает головой Корнев.

— Природа-то умней человека, она по-разному делает, — ворчит Зверев.

— Ты скажи — разве по тундре елка вырастает? — пытается убедить старика Корнев.

— Где же ей на тундре вырасти.

— То же и камни. Одни в одном месте, другие — в другом.

— То елка, а то камни, — возражает старик. — Дерево свою жизнь имеет, потому и не живет на тундре. А камни что? Камни — они мертвые.

Уже пятый чайник вносит Григорий Хромых в палатку начальника. Он ставит чайник на вьючный ящик, заменяющий стол, и, чтобы не помешать спорящим, незаметно возвращается к костру.

В палатке оплывают свечи. Они горят тускло, неровно, словно шахтерские лампочки в тесном забос. И в сумраке не различить лица Угрюмого, растянувшегося на куче свежих еловых ветвей. Ситцевая короткая рубаша выползла из штанов, ворот до отказа распахнут. Крупные капли пота блестят на его груди, покрытой густой порослью седых волос. Пот грязными тонкими струйками стекает по лицу; Угрюмый вытирает его мокрым рукавом рубахи и наливает себе неизвестно какую кружку чая.

А вверху, под брезентовой крышей, колыхается

густая сизая пелена. Комары, тонко жужжа, залетают в палатку, но, почувствовав горький запах дыма, на секунду замирают в воздухе и обиженно улетают назад.

В палатке идет техническое совещание, которое должно решить судьбу экспедиции.

Голоса становятся громче, отчетливее, возбужденнее. Теперь говорит Угрюмый. Он предлагает всей экспедиции разбиться на группы по два, по три человека, разойтись в разные стороны и, проникая как можно дальше, всюду разыскивать медную руду.

— Партизанщина! — обрывает его Корнев.

— Как партизанщина?

— Очень просто. Авось да вывезет — вот и вся тактика.

— Партизанщина, говоришь? — Угрюмый оставляет кружку чая и, словно медведь, выползает из темного угла. — Значит, партизанщина? А не ты ли сам, Андрей, изобрел ее? Помнишь, на Вилуе в тринадцатом году? Али тогда молод был, по-иному думал?

— Время было другое, — сухо отвечает Корнев.

— Не хочешь — не надо. Решайте сами, — обижается Угрюмый и сердито возвращается на свое место. Но не может он оставаться бесстрастным слушателем, когда решается его кровное дело, не может молчать, когда другие спорят до хрипоты и предлагают самые невероятные вещи. И уже через несколько минут Угрюмый снова ввязывается в спор.

А Корнев склоняется над картой, столько раз перечеркнутой карандашом, изучает взаиморасположение коренных выходов, отмечает стрелками

простираения пород и вставляет короткие замечания, задает немногословные вопросы и опять склоняется над картой, неторопливо допивая остывающий чай.

Буров, согнувшись, нервно ходит по низкой и тесной палатке: три шага вперед, три назад. Вася Круглов жадно слушает Бурова и, поняв, наконец, его идею, не может сдержать своего восторга. Он вскакивает, перебивает Евгения и, захлебываясь, продолжает его мысль.

Корнев насмешливо смотрит на нового поборника валунных поисков, но в его глазах зажигаются огоньки одобрения: горячность, взволнованность Васи Круглова приходятся ему по душе. Корнев — единственный, кто среди этих шумных, разгоряченных людей сохраняет полное самообладание. Он уверен, что в этом районе должно быть месторождение меди. Дальше — больше. Он может заранее сказать, что здешние залежи должны сильно походить на Богословское меднорудное месторождение Турьинских рудников. Но вопрос в том, как искать? И Корнев снова тяжело думает и прислушивается к спору.

Буров между тем развивает теорию валунных поисков.

Громадные ледники медленно сползали со склонов хребта. Ледники продвигались на юг. По пути они разрушали горные породы, сглаживали рельеф, меняли лицо земли. Потом ледники так же медленно отступали назад, оставляя на земле бесчисленные следы своего движения — моренные валуны, крутобокие камы, узкие ледниковые шрамы. Ледники таяли. И студеная неукротимая вода кипела в ущельях, разбивала отвесные скалы, проры-

вала русла в твердых породах. Она заканчивала разрушение, начатое ледниками. Она несла на своих бешеных гребнях и громадные валуны, и крупную гальку, и тонкий песок. Она окатывала камни, полировала гранитные уступы, шлифовала окрестные породы. Но ледник отступал все дальше и дальше, и ледниковые потоки теряли свою исполинскую силу, и спокойнее становились реки, и ослабевал напор воды. Вода уже не могла нести тяжелые камни, они оседали на дно, покрывались слоем песка и, оторванные от родных пород, оставались лежать на чужой, неудобной земле. И чем дальше от ледника убегали реки, тем меньше несли они камней. Таким образом, количество валунов данной породы, при удалении от места разрушения, должно постепенно убывать.

— При идеальных условиях это убывание валунов должно происходить в геометрической прогрессии, — говорит Буров.

— Где же вы нашли, Евгений Сергеевич, идеальные условия? — морщится Корнев.

— Конечно, нигде! Но для нас это и неважно.

— Как неважно?

— Ну да. Мы знаем одно: при приближении к месторождению количество валунов скарновой породы будет возрастать. В этом основа.

— А разве мы знаем точное направление движения ледников? Разве молодые реки не нарушили послеледникового ландшафта? — сомневается Корнев.

Буров вспыхивает:

— Если бояться всяких «разве», то лучше сидеть в теплой комнате и не выходить из дому. Разве вы не могли погибнуть у озера Амнеш? Разве

экспедицию не могли задержать вишерские пороги? Мало ли может быть всяких «разве»? Кто хочет, их всегда преодолает.

Корнев не отвечает. В чем обвиняет его этот молодой геолог, едва ставший на собственные ноги? В трусости? А когда Буров еще только учился говорить, Корнев уже был исключен из горного института за участие в студенческих волнениях и выслан в далекий снежный Иркутск. Ему не дали защитить дипломной работы. И только в 1919 году, почти одновременно с партийным билетом, он получил звание горного инженера, хотя уже за несколько лет до этого к его мнению стали прислушиваться многие известные ученые. Корнев считался одним из лучших знатоков рудных месторождений Восточной Сибири. Буров обвиняет в трусости того Корнева, о котором все говорят, что он способен на любые безрассудства, который никогда не боялся ни усталости, ни голода, ни смерти. Но тогда речь шла только о его личной судьбе. И он мог рисковать. А здесь определяется направление работ целой экспедиции. Да разве одной экспедиции? В конечном счете решается судьба огромного края, отрезанного от мира сотнями километров лесного бездорожья.

А что известно о валунных поисках? Правда, их совсем недавно с успехом применяли на Кольском полуострове, в Карелии. Но для Урала методика валунных поисков еще не разработана. Да и четвертичные отложения восточного склона хребта мало изучены.

— Нет, Евгений Сергеевич, я не имею права согласиться с вами, — поднимает голову Корнев.

— Что ж, — кривит губы Буров. — Ведите съем-

ку. До осени успете покрыть восемьсот квадратных километров. Может, посчастливится, и место-рождение как раз попадет на этот планшет.

— Но мы должны действовать наверняка, — прерывает его Корнев.

Буров не обращает внимания на слова Корнева. Он с горечью говорит:

— Во всяком случае, формально вы будете правы. Никто не посмеет обвинить вас в незаконных действиях.

Палатку сразу сковывает тяжелое молчание. Корнев медленно приподнимается. Левая щека его чуть заметно подергивается, а голос невольно становится глухим, хриплым:

— Благодарю вас, Евгений Сергеевич, за прямолинейность. Но все-таки вы ошибаетесь. Корнев никогда не дорожил формальной правотой.

— До сих пор я был того же мнения, — вскользь замечает Буров.

Корнев проводит рукой по лбу, как будто вспоминая забытое слово, но в это время распахиваются брезентовые полы и кто-то бесшумно входит в палатку. Корнев оборачивается и в тот же момент понимает, что случилось что-то неладное. Перед ним стоит Бедокур. Выражение его лица непривычно задумчивое, поджатые губы бледны и тонки, глаза смотрят куда-то в сторону.

— Колька тебя звал, Андрей Михайлыч... Помирает совсем, — тихо-тихо говорит Бедокур.

Корнев быстро выходит из палатки. Он проходит мимо костра и замечает, что рабочие коротают ночь у огня.

— Что не спите, ребята? — на минуту останавливается Корнев.

— Да, вишь, ночь-то какая... Больно хороша! До сна ли тут, — смущенно отвечает Васильич.

Корнев замедляет шаг, неслышно входит в палатку и останавливается у изголовья больного. Рубцов пытается приподняться, но голова падает на подушку, и маленькое исхудавшее тело сотрясается от глубокого кашля.

— Спасибо тебе... Андрей Михайлович... — хрипит он между приступами кашля. Бедокур подносит к его губам стакан подкисленной воды. Через несколько минут Николай успокаивается. Движением головы он просит Корнева сесть ближе и еле слышно произносит:

— Матери в Тагил напиши...

Корнев хочет сказать, что Николай еще выздоровеет, еще проживет до ста лет, но голос его осекается на первых же словах, и он неловко замолкает.

— Не надо об этом... Знаю... — страдальчески морщится Рубцов.

Он с трудом поднимает тяжелые, непокорные веки. Бедокур придвигается еще ближе и большими шершавыми ладонями гладит безжизненные руки товарища.

Рубцов пытливо смотрит на Корнева. У него кружится голова, перед глазами плывут радужные круги, но он все-таки приподнимается на локтях и, сдерживая дыхание, спрашивает:

— Ты скажи, мы нашли медную руду?

Корнев чувствует на себе пристальный взгляд Николая. И он решает доставить умирающему последнюю маленькую радость.

— Конечно, нашли... Как же иначе... На днях поселок строить начнем.

— Хорошо... Хорошо... -- беззвучно шевелит губами Рубцов. Потом он откидывается на подушку, бледнеет, задыхается от кашля. Над ним склоняется Бедокур.

Корнев еще на несколько минут задерживается у больного, потом тихо выходит из палатки. Он долго смотрит на рабочих, бессонно сидящих у костра, и твердым шагом возвращается к себе.

— С завтрашнего дня приступаем к валунным поискам. Попутно станем вести геологическую съемку, — говорит он, глядя на удивленного Бурова.

НЕОЖИДАННЫЙ ГОСТЬ

Через два дня на зеленом травянистом пригорке похоронили Николая.

Небольшой продолговатый холмик и груда камней, сложенных пирамидой, — вот и все, что осталось в память о нем.

А каменную пирамиду

увенчал ребристый кусок валуна, и солнце пылало золотом на крупных кристаллах медного колчедана. Через несколько часов хмурый Бедокур поставил над могилой высокую пятиконечную звезду.

А на вершине пригорка шумит вечнозелеными лохматыми ветвями высокий раскидистый кедр. Лесные веселые птицы свивают маленькие гнезда в его пушистых ветвях и поют на заре трепетные песни о жизни.

Но время не ждало. С вечера экспедиция начала готовиться к будущим маршрутам. Разбитной Григорий Хромых, мастер на все руки, уже посадил в печь вторые хлеба. У костра, разложенные на брезенте, заготавливались впрок сухари.

Солнце скрылось за зубчатой полосой лилового леса, чтобы через два часа медленно выползти из-за дальних гор, когда издали донеслось протяжное «о-гэ-гэ-эй!» и смолкло.

— Какого лешего по лесу носит? — проворчал Угрюмый.

— Может, филин ухнул? — высказал предположение Вася Круглов.

— Не-ет, не филин. Это человек кричал.

— Кому же, кроме нас, здесь быть?

— А вот погоди, узнаем. Чай, к нам идет.

И верно, не прошло десяти минут, как на изгибе тропинки, что вела к Шайтан-горе, показалась упряжка оленей. Худые усталые животные, оступаясь, трусили мелкой рысцой. Высокие сани, приспособленные для летней езды, словно мяч, подбрасывало на ухабах. Они перескакивали через камни, через корневища и, подпрыгивая, катились дальше.

Олени остановились. С саней соскочил невысокий худощавый манси, лет тридцати на вид.

Разминая затекшие ноги, он подошел к Угрюмому и хрипло спросил:

— Это вы медный камень ищите?

Угрюмый утвердительно кивнул головой и обернулся к ближней палатке.

— Андрей, тебя зовут! Манси в гости приехал!

Корнев, застегивая на ходу ремень, вышел из палатки. Манси чуть прищурил глаза и с головы

до ног оглядел плотную, коренастую фигуру начальника экспедиции. Потом шагнул навстречу ему и протянул сухую коричневую руку:

— Оведьевым Никитой меня зовут.

— А меня — Андреем Корневым. Давай садись к костру, гостем будешь.

Все столпились вокруг манси. Он рассказал, что в их колхоз еще месяц назад приехал из Ивделя человек и попросил оказать помощь североуральской медной экспедиции.

— Мы сами знаем, что помогать надо. Да разве в лесу тебя найдешь, — сказал Никита, обращаясь к Корневу.

— Как же ты разыскал нас?

— Мы оленей пасли. Вдруг утром, три дня назад, будто гром, только не гром, а выстрел большой. «Это гору ломают», — сказали товарищи. Я запрег оленей, три дня ехал. Дорога плоха. Олени шибко устали.

— Что ж, за помощь спасибо. Нам олени пригодятся: груз с хребта надо в лагерь перевезти, да и в маршрутах поможете, — сказал Корнев.

— Ладно, только я сперва к нашим поезду. Вернусь раньше, чем у луны рога вырастут.

Никита помолчал и негромко осведомился:

— Как ты по тайге ходишь, а ни гор, ни рек не знаешь?

Корнев кивнул головой на сидевшего поодаль Зверева.

— Проводник у меня.

Оведьев критически посмотрел на старика и усмехнулся.

— Разве русский места знает? Русский только вокруг пауля ходит.

— Лучше твоего знаю... — подал голос Зверев.

В палатках еще мирно храпели рабочие, когда Никита запряг оленей и приготовился к отъезду. Он спешил поскорее доехать до оленьих пастбищ и со свежими упряжками вернуться в лагерь. Прощаясь с Корневым, он спросил:

— Значит, если камень найдешь, большой пауль строить будешь? Как Бурмантово?

— Больше, куда больше! И дороги проведем настоящие, железные.

— Дороги — хорошо. Шибко нужны дороги. И пауль хорошо.

Никита сел в сани, махнул хореем, и олени, отдохнув за ночь, резво побежали под гору.

Лагерь между тем просыпался.

Несмотря на испытания последних дней, у всех было повышенное, радостное настроение. Сотрудники экспедиции понимали, что настоящая кропотливая работа начинается именно с сегодняшнего дня, с того момента, как отдельные небольшие отряды приступят к валунным поискам.

Часа через два-три после отъезда Никиты экспедиция, разделившись на четыре группы, покинула лагерь. Корнев пошел на запад, Буров — на север, Угрюмый — на восток, а Вася Круглов — на юг. Чтобы понять законы движения ледника и обнаружить, в каком направлении возрастает количество рудных валунов, нужно было детально обследовать район, прилегающий к лагерю, и после, на основании этого обследования, направить поиски в ту или иную сторону.

Под вечер все снова собрались у костра. На чистый лист ватмана, который через несколько месяцев испещрится цветными значками горных по-

род, кривыми зигзагами синих ручьев и извилистыми линиями коричневых горизонталей, Вася Круглов нанес маршруты каждой группы и наряду с коренными выходами отметил четвертичные отложения. Корнев просмотрел собранные образцы, сверил их друг с другом и наметил маршруты на завтра.

Еще несколько дней работники экспедиции подробно изучали ближние окрестности. Вокруг лагеря не осталось такого уголка, который бы не был осмотрен ими. Они спускались в каждую лощинку, осматривали каждый холм; они точно пересчитывали валуны и подолгу исследовали ледниковые отложения. Они рано утром покидали лагерь и возвращались в него как раз в то время, когда утки, собравшись в стаи, возвращались с вечерних кормежек.

И все-таки Корнев находил время, чтобы каждый день часа по два заниматься с рабочими. Он учил их отличать скарновую породу от других камней, рассказывал, как определить рудоносность валуна, объяснял им простейшие способы поисков в будущем, когда экспедиция охватит огромную необследованную площадь и многим рабочим придется действовать самостоятельно.

— Глядишь, и техниками станем! — смеялись рабочие и охотно слушали Корнева.

Наконец, настал такой день, когда собранных материалов стало вполне достаточно для того, чтобы выбрать направление поисков. Где-то на северо-западе возвышалась Медная гора. И экспедиция медленно, вдумчиво начала продвигаться к ней.

На рассветном ветру, словно далекие зали-
вистые бубенцы, звенят
хрушкие листья берез,
схваченные легким замо-
розком. Когда в синих
сумерках проходишь по
опушке леса, то кажется,
что всюду между деревь-
ями мелькают высокие

пламенные костры, но это молодые осины оделись в багряный лист и обманывают неопытных путников. В тенистых лесах, что раскинулись по широким равнинам, созрела крупная черника, и губы геологов бывают черны, когда они возвращаются из маршрутов.

А если взобраться на вершину горы и взглянуть вдаль, то кажется, что перед твоими глазами развертывается пестрая географическая карта: темно-зеленые, почти синие пятна хвойного леса сменяются бледно-желтыми косяками березняка, между ними расплываются бурые кляксы гари, а вдоль рек, словно девичьи косы, вытягиваются красные полосы осинника.

И лесная птица — глухарь, копалуха, косач — уже покинула приречные заросли и переселилась в высокие сухие боры, и в борах жиреет птица, поедая сочную ягоду, и птенцы нынешнего выводка все дальше и дальше отлетают от своих родителей.

В лесу по утрам трубят сохатые: широкими горячими ноздрями они ловят студснй воздух, вытягивают крепкие мускулистые шеи и сходятся

посреди полян. Зверев по десяткам примет узнает места кровавых стычек и восстанавливает подробности недавнего боя. Он находит ветвистые рога, обломленные во время боя, и пересчитывает число отдельных отростков.

— Вишь, какой молодец рога потерял, — говорит он и тихо, задумчиво добавляет: — Видно, сила на силу нашла, кончился лосиный век.

Так проходит сентябрь — золотой месяц, месяц железных заморозков и первых неярких сполохов. Еще несколько недель, и крылатые вьюги переметут сугробами снега горные перевалы, лютые морозы ледяными кандалами скуют непокорные порожистые реки, и манси-кочевники с оленьими стадами спустятся в далекие низовья.

Но это через несколько недель. А сентябрь — лучший месяц для геолога, лучший северный месяц. Комаров и мошкару убили заморозки. Наконец-то можно стянуть с головы ненавистную липкую сетку и дышать полной грудью. И дожди прекратились. В лесу сухо, кругом обилье непуганой дичи. В ясные прохладные дни легко ходить по лесу, легко с темна до темна лазить по горам, ущельям.

Корнев помнит случаи, когда за один сентябрь экспедиции проделывали ту работу, которую нужно было проделать за три, за четыре месяца. Но нынче все получается наоборот.

Еще две недели назад Корнев был уверен, что ему удалось поймать след ледников, оставивших на равнинах осколки медной руды. Количество валунов скарновой породы увеличивалось с каждым

днем. Все говорило за то, что где-то поблизости находится коренное месторождение.

Тогда, склонившись над картой, Корнев провел радостную бессонную ночь и утром, бодрый, помолодевший, вышел из палатки и весело распорядился изменить направление поисков.

На западе возвышался главный хребт. Конечно, оттуда, выпахивая по склонам глубокие долины, сползал мощный ледник. Он нес с собой остатки разрушенных пород, в том числе и валуны медного колчедана. Может быть, на одной из этих вершин, в каких-нибудь тридцати верстах отсюда, находилось потерянное месторождение. В ту сторону Корнев и направил поиски.

Пока экспедиция продвигалась по сглаженной местности, пересекая пологие увалы, все шло благополучно. Но лишь только начался медленный подъем к главному водоразделу, как количество рудных валунов стало катастрофически падать. И чем ближе продвигалась экспедиция к заболоченной горной цепи, тем меньше встречалось обломков скарповой породы.

Андрей Михайлович посерел, осунулся, но все-таки продолжал упрямо вести поиски в западном направлении. В притундровой полосе валуны, содержащие медную руду, окончательно исчезли. Значит, месторождение меди находилось где-то ниже тундровой зоны.

Корнев и Буров перевероршили весь собранный материал, заново пересмотрели сотни образцов, еще раз изучили наспех сделанные схемы рельефа. Вот с востока на запад вытягиваются невысокие горные цепи. Это вкрест главному хребту от-ветвляются отдельные отроги. На их вершинах

тоже находились местные очаги оледенения, и сизые бесконечные ледники сползали на юг с этих отрогов. Может быть, именно эти ледники и несли на своих снежных плечах валуны медной руды? Тогда экспедиции нужно продвигаться дальше на север и там искать месторождение.

В тот же день Корнев откомандировал Бурова с Васей Кругловым в десятидневный маршрут к северо-востоку. Прощаясь, он задержал в своей руке руку Бурова и негромко произнес:

— Имейте в виду, Евгений Сергеевич, от вашего маршрута зависит результат всей работы. Если на северо-востоке не обнаружится валунов, тогда я буду вынужден расписаться в своем бессилии. Будьте внимательны. Лучше опоздайте на несколько дней, но не делайте скороспелых выводов.

— Постараюсь, Андрей Михайлович, — ответил Буров.

— Постарасмся, — подтвердил Вася Круглов.

Теперь Андрей Михайлович с нетерпением ждал известий от своего помощника, а сам тем временем проводил небольшие рекогносцировочные маршруты и заканчивал геологическую съемку обследованного участка.

Как-то вечером пришел Зверев. Видя, что экспедиция обходится без его помощи, он теперь целыми днями бродил по смолкшему лесу, стрелял доверчивую птицу, выслеживал ленивых, отъевшихся на ягоде медведей. Лицо старика почернело от копоти дымных костров, невымытые, обожженные порохом руки огрубели, а сам он раздался в плечах, посвежел, как будто сентябрьский студеный воздух на много лет омолодил его.

Зверев скинул со спины убитого медвежонка, снял кожаную сумку, набитую доверху дичью, и крикнул столпившимся рабочим:

— Айда, ребята, на ту вои горку. Там подле ручья увидите: березка заломлена да ветки кругом понатыканы, а под слкой, что рядом, добыча спрятана. Медвежонок да еще птицы прорва. Ешьте досыта, старика вспоминайте.

Рабочие не заставили себя упрасивать. То и дело наклоняясь на ходу и срывая гроздь крупной брусники, они скрылись в лесу.

Зверев стянул с ног промокшие порубни, развесил перед огнем портянки и, наслаждаясь отдыхом, прилег на росистую траву.

— Уф, намаялся! — сказал он, увидя подошедшего Корнева. — Все тропки-тропиночки следами переметил. Тсперича отдохнуть бы дней пяток.

— Ну, отдыхай, отдыхай, — безразлично проговорил Корнев.

— Да не усидеть мне, опять в лес потянет. — И старик стал рассказывать о перелетающей птице, о пожелтевших деревьях, об уцербленном месяце, который, словно барометр, предсказывает холодную погоду. Но Корнев не слушал его; он был занят собственными мыслями. Он ждал известий от Бурова, но тот, очевидно, не спешил с сообщением безрадостных вестей. Вдруг его слуха коснулось удивительно знакомое слово, которое он сам повторял по десять раз в день.

— Что... что ты говоришь? — оторвался Андрей Михайлович от своих дум.

— Говорю, что эти самые валуны нашел... Бога-атые валуны, — хитро улыбнулся старик.

— Где нашел? Когда? — встрепенулся Корнев.

— Да намедни, когда за дичью ходил... Я, чай, понимаю, что работа к концу близится, все хожу и на стороны поглядываю.

— Где нашел? Говори!

— Верстов двадцать к заходу отсюда будет.

— На западе? Близ водораздела? — удивился Корнев.

Это опрокидывало все его расчеты. Неужели рудные валуны, после длительного перерыва, снова появляются в том же направлении, на много метров выше, чем предполагаемая отметка Медной горы?

— Может, сходим как-нибудь? Посмотрим? — улыбнулся в усы старик.

— Посмотрим. Обязательно посмотрим.

Никита неистово гнал оленей. Он выехал на рассвете, не отдыхая, ехал до полудня и после часового перерыва снова погонял измученных животных. Олени спотыкались, бежали вразброд, но длинный хорей в искусных руках погонщика свистел над их головами, и они снова напрягали усталые мышцы.

На одном из крутых поворотов сани с разгону ударились о камень. Гнутый полоз треснул, разломился по сучку. Никита на минуту остановил оленей. Сыромятным ремнем он перекрутил треснувшее дерево и помчался дальше.

Под вечер один из оленей окончательно выбился из сил. Он задерживал бег всей упряжки. Никита с жалостью смотрел, как тяжело поднимаются его бока, как спотыкаются тонкие сильные ноги о цепкие узловатые корневища. Но упряжка бе-

жала все тише и тише. Никита выскочил из саней и на ходу обрубил постромки. Олень замертво рухнул на землю. Никита выхватил из-за пояса нож и по самую рукоятку вонзил его в шею оленя. Кровь забулькала в горле животного. Никита на бегу заскочил в сани.

Лес потемнел. Вечерняя мгла застилала деревья. Но Никита по-прежнему погонял оленей. Ему постоянно приходилось соскакивать с саней и, отыскивая потерянную тропу, бежать впереди упряжки. Олени не должны останавливаться. Если они встанут, то не смогут больше бежать: так устали они за сутки непрерывной езды.

Ночь уже подходила к концу, когда сквозь черную решетку леса Никита разглядел вдалеке светлые расплывчатые пятна. Это блики луны тускло блестели на полотнищах палаток. Никита еще раз ударил хореом обессилевших животных и вылетел на середину поляны. Лагерь безмолствовал. Но уже через минуту из палаток стали вылезать сонные, неповоротливые люди. Поляна ожилилась. Никита попытался слезть с саней, но онемевшие ноги подкосились, и его подхватили чьи-то сильные руки.

— На-ка, выпей!

Корнев склонился над ним и протянул флягу со спиртом. Никита сделал несколько глотков, отер рукавом запекшиеся губы и возвратил флягу.

— Оленей распрягите. Пусть на ягель идут.

Несколько человек неохотно направились к упряжке. Всем не терпелось узнать, какие вести привез Никита и почему олени еле-еле стоят на ногах, хотя это были лучшие гирвасы огромного колхозного стада.

Отдышавшись, Никита засунул руки за ворот малицы и достал плотный, обтрепанный конверт.

— Возьми, начальник. Письмо тебе.

— Что с Буровым? — тревожно спросил Корнев, пробежав первые строки письма.

Никита засмеялся:

— На одной ноге ходит. Как журавль. Другую попортил. Да ты читай дальше. Ехать отсюда надо!

Корнев удивленно вскинул голову и стал снова читать. Буров сообщал, что количество валунов с продвижением на север беспрестанно возрастает. Также увеличивается их размер. Кроме того, изредка попадаются угловатые, почти неокатанные глыбы скарновой породы. Значит, они принесены не издалека. Вчера им были встречены выходы плагиоклазового роговообманкового гранита, а днем раньше, верстах в десяти восточнее гранитов, были найдены обнажения известняков. Теперь остается нащупать контакт этих пород и уже на месте соприкосновения искать меднорудное месторождение.

Корнев кончил читать. Он только сейчас заметил, что все с любопытством глядят на него.

— Ну, ребята, радуйтесь! Завтра сворачиваем палатки — и айда на Медную гору!

— Ка-ак? Медную гору нашли? — приподнялся Зверев.

— Медной горы еще не нашли, да руду зато отыскали.

— Тогда другое дело, — невнятно пробормотал старик и вспомнил: — А как же, начальник, с валунами-то? Завтра пойдем?

— Есть сейчас время волком по лесу рыскать! — рассердился Корнев.

Проводник, как будто собираясь что-то сказать, пожевал губами, исподлобья взглянул на Корнева и отошел в сторону.

Корнев и Никита еще долго сидели у костра. Никита рассказывал о маршрутах Бурова, подробно описывал найденные валуны, говорил о трудной лесной дороге.

Через полчаса Зверев снова подошел к Корневу и настойчиво просил отпустить его на несколько дней, с тем чтобы он прямо пришел к стоянке Бурова.

— Места для зимней охоты присмотреть надо... Да, может, и на самую Медную гору набреду.

— Ведь ты сам говорил, что устал и теперь отдыхать будешь, — усмехнулся Корнев.

— Где тут отдыхать... Вишь, погода какая... Так в лес и тянет... — заискивающе улыбнулся старик.

— Ну, ладно, иди. Дорогу теперь и без тебя найдем, — согласился Корнев.

Зверев набил патроны, взял каравай хлеба и, кликнув Серуху, на рассвете ушел из лагеря. А под вечер того же дня прибыли остальные упряжки. Корнев не стал дожидаться, пока снимут лагерь и тяжело нагруженный медленный обоз двинется в путь. Не глядя на ночь, он тотчас велел запрягать отдохнувших за день оленей и уже через четверть часа мчался к Бурову.

Вася Круглов, насвистывая веселую песенку, бойко спускался с холма. Где-то в стороне раздался хруст хвороста. «Дерево упало», — подумал Вася, продолжая быстро шагать. Но его нагнал окрик:

— Стой! Али своих не признаешь?

Из лесу вышел Зверев. Он вытер потное лицо засаленным рукавом куртки и, переведя дыхание, сердито сказал:

— Сколько времени за тобой бегу, никак не догоню. Больно прыток ты.

— Когда на душе весело, тогда и ноги легкие, — засмеялся Вася. — Ну, здорово, здорово. Что больно долго? Андрей Михайлович два дня назад приехал.

— Будто и долго, — ухмыльнулся старик. — Ежели бы вогул проклятый не соврал, то на день бы раньше пришел. А то, где он сказывал, я день-дневской лагерш искал, никак найти не мог. Ладно, тебя встретил.

— Лагерь за это время два раза место переменял. Никак за валунами угнаться не можем.

Они шли рядом, и Зверев с трудом поспевал за быстро шагавшим Василием.

— Куда ты в гору прешься, обойти можно, — запротестовал старик, когда Вася стал карабкаться на крутой каменистый склон.

— Мне нужно точку на вершине взять. Топографическую съемку спешу закончить. В лагерь придем, увидишь, какие горизонталы накрутил, сам черт ногу сломит, — пояснил Вася.

— Я вот что тебе, Василий, скажу, — тронул Зверев плечо коллектора, — я дорогу вспомнил.

— Какую дорогу?

— Да на Медную гору.

— Ведь ты сам говорил, что Медная гора у озера Амнеш.

— Там — особое дело... А то другая есть. Богатая гора! Верст сорок отсюда.

— Ну и что дальше? — усмехнулся Вася.

— А дальше — мое дело маленькое. Коли хотите руду посмотреть, надо на Медную гору идти, пока погода не испортилась.

— Э, нет, дед! Не выйдет! Валуны-то надежной проводника оказались! Поздновато вспомнил.

Лагерь встретил их веселым разноголосым шумом. Кто-то громко пел: «Мы все добудем, пойдем и откроем...» С другой стороны слышался заразительный смех Григория Хромых. Никита Влагов, стоя у большого костра, кричал:

— Да идите вы, черти, обедать! Похлебка остынет!

В стороне стояли нераспряженные олени. Они лениво щипали бледно-зеленый ягель и терпеливо ждали, когда их освободят из упряжки и отпустят на волю. На санях возвышались компактные тюки поклажи. Это полчаса назад прибыл сюда медленный обоз Никиты Оведьева. Теперь вся экспедиция была в сборе.

В центре поляны рабочие уже расчищали места для новых палаток и вбивали в землю длинные

колья. Тут же прохаживался Корнев. Он беспрестанно шутил, потирал руки и, смеясь, говорил Григорию Хромым:

— Для чего сильно вбиваешь? Надсадишься! Все равно через два дня лагерь снимать, пропадет твоя работа. На Медную гору пойдем. Станем избу рубить.

Заметив коллектора, Корнев торопливо подошел к нему.

— Вася, нанеси поскорей новые точки, а то я без карты, как без рук. Нужно развязаться с обнажениями, что-то простирания не сходятся.

— Хорошо, Андрей Михайлович. Я сейчас.

Вася скрылся в палатке. Через минуту он уже склонился над листом ватмана, приколотым к чертежной доске. В палатку вошел Корнев. Он подсел к карте. Зеленые пятна габбро и амфиболитов вытягивались вдоль западного края планшета. С востока подходила желтая полоса известняков, а между ними вклинивались розовые граниты. Но белая, незакрашенная полоса отделяла розовый цвет от желтого. Андрей Михайлович показал карандашом на нее:

— Где-то здесь, Вася, граниты соприкоснулись с известняками. Как раз на контакте должна вышаться Медная гора.

— Медная гора? Сегодня Зверев дорогу к ней вспомнил.

— Как, разве Зверев в лагере?

— Вместе со мной пришел.

— А ну, давай его сюда!

Старик вошел в палатку.

— Звал меня, Андрей Михайлыч?

— Да, садись.

— Я ничего, постою.

— Ну, как, устал с дороги?

— Нет, ничего...

— Тогда завтра со мной в маршрут пойдешь.
Приготовься.

Старик мялся у входа.

— У тебя что, дело ко мне? Выкладывай.

— Да вот Василий сказывал, — нерешительно начал старик, — будто ты Медную гору нашел... Так это правда али так, в шутку сказано?

— Правда, правда, старик. Я на ней еще не был, но здесь она, здесь, совсем рядом.

— Где она? Которая?

Зверев придвинулся ближе к Корневу и замер, ожидая ответа.

— Верст десять-двенадцать отсюда будет... Прямо на север, может, чуть восточнее...

Зверев отшатнулся, побледнел и что-то невнятно забормотал.

— Ты что там под нос бубнишь?

— Да я так... — очнулся старик. — Промашку дал ты, Андрей Михайлыч, нет здесь Медной горы.

Зверев сделал короткую паузу, но через мгновение продолжал с жаром:

— Хоть раз поверь старику... На слово поверь... В другой стороне Медная гора... Сними лагерь... Я прямиком проведу тебя к ней.

— Нет. Мы с тобой завтра прямо на север пойдём... Может, в последний маршрут за это лето.

— Нечего там делать, — неожиданно переменял тон Зверев.

— Как нечего?

— Как да как... Сказал — нечего, значит — нечего... Медной горы там и в помине нет.

— Ну, это позволь мне знать.

— А кабы и была, — не слушая Корнева, упрямо продолжал Зверев, — то какой толк от этого? Кому пужна какая-то руда на самом краю света?

— Конечно, не тебе.

— Конечно, не мне. Думаешь, тайга так просто к своему сердцу людей подпускает?

— Хватит, старик. Понял тебя...

Корнев выпрямился и прищурил глаза:

— На Медную гору мы завтра идем.

Зверев попятился, нашарил руками выход и грузно вышел из палатки.

По своему обыкновению он не пошел ночевать в палатку, а свалил сухостойную сосну, обрубил сучья и на опушке леса разложил жаркую нодью. Бедокура тоже потянуло на вольный воздух. Он наломал еловых веток, притащил брезентовый плащ и устроился с другой стороны нодьи.

В середине ночи Бедокур проснулся. Он протер заспанные глаза и увидел Зверева в полном охотничьем обмундировании.

— Ты куда это ночью собрался? — ничего не понимая, спросил Бедокур.

— Известное дело — на охоту. Сейчас птица самая смиренная. Близо подпускает.

— На охоту? А зачем все барахло с собой берешь?

— А тебе-то какое дело? — раздраженно проворчал Зверев и направился к лесу.

— Стой, старик! — Бедокур поднялся и шагнул вслед за ним.

Зверев обернулся:

— Тоже начальство! Захвост проклятый.

Он по-волчьи съежился, сжал кулаки, но возвратился к ноде.

Но утром неожиданная весть облетела весь лагерь — Зверев исчез. Еловые ветки, на которых спал старик, еще были примяты, на траве, схваченной инеем, еще виднелись свежие следы, уходящие в глубь леса, но проводника нигде не было. Все его немудрое лесное имущество исчезло вместе с ним. Через полчаса Бедокур, недавно назначенный завхозом, пошел в склад, чтобы выдать кашевару продукты. К своему удивлению, он не досчитался двух караваев хлеба, а когда стал подробнее осматривать все продовольствие, то обнаружил, что из ящика пропало несколько банок консервов, а в мешке с солью были видны следы чьих-то крупных пригоршней.

Зверев, очевидно, отправился в далекий, трудный путь и предусмотрительно обеспечил себя всем необходимым.

Корнев вызвал к себе Бедокура и резко отчитал его:

— Знал ты, что человек он темный, что не раз пытался нас со следа сбить... Как же можно было упускать?.. Не на прогулку вышли, а государственное дело делаем.

Все утро прошло в разговорах о таинственном уходе старика. Было высказано немало предположений и догадок.

— Ничего, придем на Медную гору — все выяснится, — сказал Корнев за завтраком.

— При чем тут Медная гора? — пожал плечами Круглов.

— Молод ты еще, Вася, простых вещей не ви-

дишь. А раскнижь-ка мозгами и поймешь: все вокруг Медной горы вертится. Вся загвоздка в ней.

Завтрак кончился. Корнев позвал Бедокура:

— Ты со мной в маршрут пойдешь вместо Зверева.

— Ладно.

Затем Корнев наметил маршруты Бурова и Васи Круглова, дал задание Угрюмому и через четверть часа вместе с Бедокуром покинул лагерь.

Они прошли несколько километров, лишь изредка перекидываясь короткими замечаниями. Их путь лежал по краю ущелья, крутые склоны которого поросли густым малинником, репьем и крапивой; кой-где, вливаясь корнями в расщелины скал, лепились неприхотливые березы. Внизу сверкала река, расчесывавшая длинные седые гривы между косыми зубцами камней. Мощный гул кипящей воды поднимался со дна ущелья.

Верстах в пяти отсюда возвышалась гряда невысоких отрогов. Корнев остановился, разложил на коленях карту, навел компас на среднюю вершину гряды и вынул из сумки масштабную линейку. Бедокур, любопытствуя, заглядывал через его плечо.

— Так, так... чуть восточнее... все в порядке, — поворачивая компас, твердил Корнев. Наконец он свернул карту и поднялся с камня. — Вот и Медная гора! Сейчас пойдём вдоль ущелья, а потом прямо на ту гряду.

Они медленно продвигались по краю ущелья. Корнев внимательно следил за чередованием пород. Вдруг он заметил на самом дне ущелья выход белой, сверкающей на солнце породы, затерявшейся среди однообразной массы гранита.

— Что, по-твоему, может быть, Бедокур? — спросил Корнев.

— Может, кварц, а может, скарн — кто сверху разберет?

— Придется спуститься.

Корнев уже одолел половину спуска, когда сверху, расшатаанные его руками, посыпались мелкие камни. Вначале они катились тонкими маленькими ручейками, но эти ручейки увеличивались с катастрофической быстротой. Вот и большие увесистые камни пришли в движение. Один из них больно ударил Корнева в плечо, другой пролетел рядом с головой. Андрей Михайлович отпрянул назад и, как канатоходец, потерявший равновесие, забалансировал над обрывом. Но в это время еще один камень ударил его по ногам. Корнев не устоял, но, падая, ухватился за ствол низкорослой березки и, смешно болтая ногами, повис в воздухе. Корни деревца не выдержали четырехпудовой тяжести, и Андрей Михайлович вместе с березкой полетел вниз.

Бедокур испуганно вскрикнул и стал торопливо спускаться. Корнева он нашел на небольшой горизонтальной площадке, сплошь заросшей густым малинником. Кусты задержали падение. Андрей Михайлович лежал раскинув руки, лицом вниз, неподвижный, окаменевший; ветер трепал серебристые волосы, а из проломленной головы тонкой струйкой стекала по бледной щеке густая, смолистая кровь. Пятна крови темнели на камнях, на песке, на желтых листьях малины. Бедокур, задыхаясь от быстрого спуска, склонился над Корневым и тихо позвал:

— Андрей Михайлыч!

Корнев не подавал признаков жизни.

Бедокур, задыхаясь, позвал еще раз:

— Андрей Михайлыч! Не слышишь, что ли?

Бедокур, не помня себя, обхватил Корнева за плечи, перевернул и начал отчаянно трясти. Корнев слабо застонал. Свинцовые веки приподнялись, и на Бедокура взглянули мутные, безжизненные глаза.

— Это ты... Бедокур... а я... как видишь... того...

Бедокур, осторожно взвалив начальника на спину и сгибаясь под тяжестью грузной ноши, пошел вдоль реки, выбирая удобное место для подъема. Когда он поднялся на верх ущелья, порывистый ветер донес до его слуха далекое, почти неразличимое тьякканье собаки. Он остановился, прислушался, но ветер затих.

— Ишь, куда проводник утопал, — проворчал Бедокур и быстро зашагал к лагерю. Корнев грузно лежал на его спине.

МЕДНАЯ ГОРА

Корнев напряг слух. Но трава уже перестала шуршать под ногами ушедших. Еще несколько минут он впитывал в себя необычайную глубокую тишину, воцарившуюся в лагере; затем, сморщившись от бо-

ли, он чуть приподнял голову и слабо позвал:

— Гриша!

В палатку вошел Хромых.

— Евгений Сергеевич ушел?

— Да, Андрей Михайлович.

— В лагере остался ты и еще кто?

— Я и Васильич...

— Ну, хорошо, иди.

Теперь Корнев остался наедине со своими мыслями. Тупая гнетущая боль разливалась по голове, мешала сосредоточиться. Было обидно, что он сам не смог отправиться в последний маршрут на Медную гору. И, может быть, именно потому, что не он, а Буров руководил этим последним маршрутом, Корнева не покидало беспокойство. Он находил десятки ошибок в своих расчетах, старался предугадать оплошности, которые может допустить Буров, и подчас был уверен, что его помощник не откроет медной руды. В глубине души он сознавал, что напрасно тревожит себя пустыми опасениями; но избавиться от них не мог и с тем большим нетерпением ждал возвращения экспедиции в лагерь.

А Буров и его спутники между тем упорно шагали на север. Через час после выхода из лагеря они вышли к ущелью, заросшему репьем и малинником. На покрытых лишайником полуразрушенных скалах Угрюмый разыскал следы геологического молотка.

— Не иначе, как Андрей вчера колотил, — ни к кому не обращаясь, сказал он.

Буров навел компас на крайнюю вершину невысокой гряды, взял засечки на выступавшие вдали горы и сверил свои азимуты с записями Корнева. Затем отряд пересек ущелье и, разделившись на две группы, с разных сторон направился

к небольшому горному кряжу. Вася Круглов с тремя рабочими, описав широкую дугу, должен был подойти к нему с запада, а группа Бурова — с юга. Вместе с этим они покрывали маршрутами и наносили на карту незаснятый угол планшета.

Путь лежал по холмистой, сильно расчлененной ручьями равнине. При переходе одного из ручьев Угрюмый неожиданно остановился.

Наметанный глаз старого золотоискателя заметил, что бурый песок, обнажающийся по склонам оврага, излучает яркий солнечный блеск. Но идущие сзади уже подталкивали штейгера:

— Иди! Чего остановился?

Угрюмый опустился на колени и зачерпнул пригоршню песка.

— Золото вздумал мыть? — подошел к нему Буров.

Угрюмый пересыпал песок с ладони на ладонь и внимательно рассматривал крупинки блестящей руды. Наконец он выпрямился и обернулся к Бурову:

— Не-ет, не золото... Колчедан горит, вот что.

Буров поднялся на пологий холмик. И тогда стало видно: долина ручья, отмеченная темной полосой ельника, сбегала с седловины той горы, к которой лежал путь геологов.

— Медная россыпь. А вон там и коренное месторождение, — показал Буров на крайнюю вершину.

Обнажения, встречающиеся по дороге, задерживали продвижение отряда. Поэтому к подножию кряжа прибыли только поздно вечером. На высоком берегу ручейка устроили привал. Бедокур едва успел разжечь костер, как в верстах четырех к северо-западу вспыхнула крохотная точка огня.

— Вот и Вася на ночлег остановился,— сказал Угрюмый.— Поди, не терпится молодому раньше нас на Медную гору попасть.

Густой синий сумрак еще не позволял различать отдельных деревьев, а у подножия горного кряжа уже закопошились люди.

Буров едва успел отойти от костра, как сразу потонул в темноте. В ложбине монотонно журчал ручей. Когда Буров умывался, в его руках похрустывали тонкие льдинки, а лицо, не успевшее остыть после сна, обжигала студеная вода.

Бодрый, покрасневшийся, Буров отправился обратно к костру; но он не успел сделать и несколько шагов, как увидел за поворотом ручья выступившие из темноты покатые глыбы. Жалея, что не взял с собой молотка, Буров подошел к обнажению и подвернувшемуся под руку камнем отколотил кусок коренной породы. Это был белый, похожий на плотный сахар-рафинад кристаллический известняк. И на его поверхности, словно крупинки золота, блестели точечные вкрапления колчедана.

В то же самое время по другую сторону кряжа проснулся Вася Круглов. Еще вечером на склоне небольшого увала он заметил серые, разбитые трещинами скалы. Пока готовили завтрак, он решил осмотреть их. Пересечь лощину и подняться на увал было делом пяти минут.

Молоток звонко стучал по камню. Скала гудела. От нее отделился крупный угловатый кусок и, упав на землю, разбился на мелкие части. Вася поднял камень с земли и едва успел взглянуть на него, как радостно улыбнулся. В его руке лежал

кусок серого роговообманкового гранита с белым полевым шпатом — плагиоклазом.

С обширного болота, что к северу и востоку простиралось на много километров от горного кряжа, еще тянуло ночным холодком, когда обе группы снялись с уютных ночевок. Через несколько часов они встретились на южном склоне гряды.

— Медная гора! — увидев группу Бурова, издалека крикнул Вася Круглов.

— Она самая! — ответил Буров.

Оба отряда едва успели соединиться, как Угрюмый, шагавший впереди, неожиданно остановился.

— Смотрите, Евгений Сергеевич, кто-то дней за пять до нас был, — показал он подошедшему Бурову четкие большие шаги.

— Человек какой-то... Вишь, в мягких порубнях был. — Угрюмый склонился к земле, изучая следы. — Дней пять-шесть назад ходил, не больше... В сухом ягеле след хорошо держится, а все мелкие крошки ветер уже выдул.

Геологи поднялись на вершину. Здесь след пропал, затерялся среди камней, но через несколько десятков метров, на ягельной поляне, появился снова. След уверенно уходил на север, спускаясь по противоположному склону горы.

Угрюмый чуть не бегом стал спускаться по ровному пологому склону, а за ним, как будто боясь отстать, заторопились и остальные.

— Евгений Сергеевич, смотри, яма! — подбежал Угрюмый к неглубокому, заросшему травой углублению. — А вон там столб какой-то!

След порубней закружился.

В десяти метрах от ямы стоял старый покосившийся столб с натеками смолы на трещинах. Вершина столба была остро затесана, а сторона, обращенная к вершине горы, гладко срезана, подстругана.

Буров склонился и прочитал выжженную железом надпись:

— «Иван Зверев»...

— Иван Зверев? — удивился Угрюмый.

— Ну да, «Иван Зверев 19...» Ч-черт, не могу разобрать... Стерлось.

— Пусти, у меня глаз острый, — оттолкнул Бурова Угрюмый.

— Что еще там? Читай скорей! — Между Угрюмым и Буrowым протиснулся Вася Круглов.

— Заяв... заяв..., должно быть, «заявка».

Буров растерянно провел по лбу потною рукой и невидящими глазами обвел столпившихся людей:

— Вот и старичок тебе. А нас к озеру Амнеш водил...

— Шею такому старичку свернуть мало! — прервал его Угрюмый.

— Когда же поставлена заявка? — недоумевающе спросил Вася.

— Бог я тебе, что ли? Когда? Может, тридцать лет назад! А может, и три года! Поди, разберись.

— А верили-то как ему!

— В том-то и дело, что «верили», — передразнил Угрюмый. — «Старожил, места эти кругом исходил». Ну и обрадовались. Нет чтобы поглубже копнуть, разведать, что за человек. Тут и Андрей, и я прохлопали... А уж нам ли не знать, что около богатства всегда шваль какая-нибудь отирается...

Сокрушенно качая головой, штейгер опустился на колени и стал разглядывать вытоптаный ягель.

— И следы-то его! Порубней таких манси не носят.

Угрюмый поднялся с земли и, обращаясь к Бурову, продолжал уже спокойно:

— Не иначе, когда Андрей поехал к тебе, старик сюда отправился, последний раз на свои владения посмотреть.

— Ну, хорошо, — прервал его Буров. — Потом разберемся. А сейчас идем Медную гору осматривать.

Куски потускневшего медного колчедана валялись в размытых отвалах покрытых дерном ям. Вскоре геологи наткнулись на небольшие обвалившиеся выработки. Опасаясь грозной неустойчивости кровли, готовой ежеминутно обвалиться, они осторожно спускались на дно выработок. В черных от копоти стенках узких забоев, освещенных берестяными факелами, тускло блеснул халькопирит. Здесь когда-то выемку руды производили древними приискательскими способами: разводили у стенок забоя жаркие костры, и когда камень накалялся, обливали его холодной водой. От резкой смены температуры порода крошилась, давала трещины и становилась доступной для тяжелых кирок и са- модельных кайл.

После беглого осмотра выработок и обнажений Буров пришел к заключению, что медная руда рассеяна по всей скарновой породе, часто образуя богатые и крупные скопления. Кроме халькопирита, он нашел и медную зелень, и магнетит, и пирротин, и еще целый ряд рудных минералов.

Весь день рабочие были заняты производством мелких расчисток. В это время Вася Круглов успел сделать беглую глазомерную съемку вершины горы. Переночевав у подошвы кряжа, отряд отправился в обратный путь.

Когда Буров рассказал Корневу о Медной горе, о странном заявочном столбе, о следах на вершине горы, тот долго лежал, откинувшись на подушку, и, ни слова не говоря, выпускал изо рта прозрачные кольца сизого дыма. Наконец он повернул к Бурову бледное худое лицо и тихо сказал:

— Помните, Евгений Сергеевич, старичка из Горного округа... Как его?

— Вы про Василия Федоровича?

— Ну да... У него замечательная память... Ну так вот он мне говорил перед отъездом, что в Горный округ еще задолго до революции поступила заявка на медную руду в верховьях Сосьвы... Заявку сделал местный промышленник. У него где-то по Вишере были небольшие копи — железную руду как будто разрабатывал. Ну, так он хотел накопить денег и приняться за медные залежи. Да, очевидно, революция помешала... С тех пор о заявке ничего не слышали. Архивы Горного округа были растеряны во время гражданской войны. Только Василий Федорович никак не мог вспомнить фамилию промышленника...

— Вы, значит, думаете, что Зверев и был тем промышленником?

— Не думаю, а даже уверен, Евгений Сергеевич.

Уже много дней на горах лежали грузные неподвижные облака. Однажды утром из-за хребта

ударил ветер. Он с диким свистом вырывался из узких ущелий, клонил могучие столетние кедры, расстилал по земле гибкий кустарник и с корнем выдира! молодую поросль.

Облака на вершинах гор зашевелились, словно медведи, очнувшиеся от спячки, и начали медленно сползать по склонам. Ветер подхватывал их, раздира! на клочья, и облака серыми косматыми лохмами проносились вровень с деревьями. А на горах, за мутной пеленой облаков, крутила метель. Низкорослые сосны, мелко дрожа ветвями, вплотную пригибались к земле. По мерзлому ягелю пробегала поземка, оставляя позади след взвихренного снега.

Через день ветер утих. Погода прояснилась. Дымное солнце выплыло из-за черного голого леса и осветило снежные горы.

Продрогшие рабочие вылезали из холодных палаток, торопливо разводили огонь и, вплотную придвинувшись к костру, согревали заочневшие руки.

— Смотри, смотри — бело кругом! — кричал кто-то из палатки, не успев очнуться от сна.

— А горы будто сахарные, так и блестят, — шурился Васильич.

— Ну и пусть их блестят. Подумаешь. Вот реки не сегодня-завтра встанут — это да! — ответил ему Бедокур.

— А ну, ребята, нечего языки чесать, кипяти чай да сматывайся «на-гора», — подошел к костру Василий Угрюмый. Теперь, когда начались работы на Медной горе, старый штейгер чувствовал себя хозяином положения. Он разгладил складки на куртке и строго оглядел рабочих:

— Я пойду размечу, где канавы копать, а вы чтобы через полчаса, как из пушки. Кто дорогу не знает, пусть по засечкам идет. Я вчера до самой горы путь пролысил.

Торопливо поев, рабочие один за другим повскакали с земли и быстрым шагом отправились по тропке, проложенной вчера старым штейгером.

Шли они торжественно, молчаливо, а на их плечах, словно босвые винтовки, сверкали широкие лезвия лопат и литые острия кирок. Они выбивали шаг в сухой подмерзшей земле, и нахохлившиеся куропатки выпархивали из кустов, услышав тяжелый грохот подбитых железом сапог.

Уже подходили к подножию Медной горы, когда Вася Круглов, не в силах сдержать обуревавших его чувств, затянул песню:

По долинам и по взгорьям
Шла дивизия вперед...

Песню подхватили десятки спекшихся губ, и она широкими волнами разносилась по лесу:

Чтобы с боем взять Приморье,
Белой армии оплот.

Рабочие шли по склону Медной горы, а песня, как гонец, летела впереди них.

... Угрюмый сдирал со скалы плотный дерн, сплошь покрывший ее. Пласты дерна, скрутившись в толстые трубки, обнажили цельный, нетронутый камень. Радость Угрюмого так была велика, что он сам не расслышал своего глуховатого смеха. Перед ним на солнце пылали мощные скопления медного колчедана.

С тех пор как у подошвы Медной горы раскинулась первая палатка геологов, Угрюмый еже-

дневно поднимался на гору, внимательно изучал заброшенные выработки, и каждый раз куски халькопирита зажигали веселые искорки в его глазах, а стариковскую грудь распирала великая радость.

Вот и сегодня старый штейгер полз по земле, промеряя рулеткой расстояние до будущего шурфа, а добрая улыбка пряталась в широкой пушистой бороде.

Не переставая улыбаться, он поднял голову и прислушался.

Ветер донес далекие раскаты боевой песни. На повороте тропинки показались рабочие.

Они пели:

И останутся, как сказка,
Как маящие огни...

В словах песни было что-то родное, близкое, пережитое. Она захватила старика, и он, не в силах противиться, вытянулся во весь богатырский рост, молодцевато расправил грудь и подхватил песню:

Штурмовые ночи Спасска,
Волочаевские дни.

Штейгер стоял на камне, высокий, сильный, седой, и пел во всю мощь своих здоровых легких. Рабочие подходили к нему.

— Встречай победителей! — крикнул Григорий Хромых.

— Победители... Вот гору одолейте, тогда другой сказ, — нахмурил старик брови и стал показывать места, где бить шурфы, копать канавы, делать расчистки.

В полдень на Медную гору поднялся Корнев. Он впервые покинул лагерь. Его голова еще была обмотана плотным бинтом, а левая рука бессильно лежала на черной повязке.

— Начальнику! Андрею Михайловичу! Товарищу Корневу! — на минуту отставив лопаты, встречали Корнева обрадованные рабочие и протягивали ему испачканные землей узловатые руки.

Корнев счастливо улыбался, слабым пожатием встречал протянутые руки и шел дальше. Впереди него предупредительно суетился Вася Круглов:

— Осторожней, Андрей Михайлович, здесь камень. Не споткнитесь. А тут круто — давайте руку.

— Ничего, ничего, Вася, не беспокойся, — успокаивал его Корнев. — Я уже настоящим человеком стал. Скоро на медведя пойду. Один на один.

Они поднялись на вершину. Подъем был труден для Корнева. Его лоб пересекли тонкие синие вены, голова кружилась, колени мелко дрожали. Он устало опустил на валун и закурил трубку.

— Куда вам на медведя идти! Сперва на курорт надо съездить, — засмеялся Буров.

Корнев мимо ушей пропустил его замечание. Он не любил признаваться в собственной слабости.

Через несколько минут Андрей Михайлович ощупал туго забинтованную голову и обратился к Бурову:

— Теперь, Евгений Сергеевич, пойдёмте осматривать Медную гору. Вы будете моим проводником. Ну, вам и карты в руки — идите вперед, показывайте.

Как только они прошли к первому обнажению, Корнев моментально забыл о боли. Взгляд его

стал острым, пронизывающим, но лицо оставалось спокойным, бесстрастным.

Спустившись в одну из старых выработок, он дольше обычного задержался в ней. Узкий проход с грозно нависшей сыпучей кровлей не давал возможности другим присоединиться к нему. Вася Круглов, Буров и Угрюмый сидели у края выработки и прислушивались к глухим ударам молотка. Наконец удары смолкли. Над бортом выработки показалась голова Корнева. Плотный бинт сбился набок, а черная повязка лопнула, и левая рука, словно плеть, безжизненно свисала вдоль тела. Но на сомкнутых губах играла улыбка.

Андрей Михайлович очистил грязь с колен и неожиданно крикнул Бурову:

— Ловите!

Буров едва успел отшатнуться. У его ног шмякнулся на землю камень с кулак величиной. Евгений поднял его, взглянул на ярко-зеленую ленточную окраску:

— Малахит!

— Да.

Пока все осматривали малахит, Корнев безразлично чистил костюм и молчал.

— Слушайте, Андрей Михайлович, скажите, наконец, свое мнение, — взмолился Буров.

— О чем?

— Да уж, конечно, не о погоде я спрашиваю.

— Зря, о погоде стоит поговорить.

— Да ну вас! — вспыхнул Буров. — Что вы о Медной горе скажете? Какова руда?

— Так бы сразу и говорил, — не меняя ровного тона, ответил Корнев. — А с Медной горой, на мой взгляд, дело довольно ясное. Конечно, решаю-

щее слово останется за разведкой, но уже сейчас, мне кажется, можно твердо сказать, что месторождение очень богатое и стоило того, чтобы попутать для его розысков... — Однако, Евгений Сергеевич, — закончил Корнев, обрывая речь, — вам придется скоро уезжать.

— Почему?

— Вам же надо до ледостава успеть в город и сдать за диссертацию. Она должна удалиться на славу.

— Успею, — неохотно проговорил Буров, и они стали спускаться к лагерю.

ПЕРЕД ЗИМОВКОЙ

Передний гирвас нетерпеливо бил копытами землю. Любимая важенка Никиты Оведьева лениво жевала влажный ягель и мутными глазами глядела на хозяина. Никита подошел к ней, глядя одной рукой ее мокрые губы, другой стал

чесать у ней за ухом. Важенка сладко закрыла глаза и положила свою голову на плечо Никиты. Но вот Оведьев переступил с ноги на ногу, важенка открыла глаза. Никита еще раз провел рукой по ее губам и решительно подошел к палатке.

— Эй, начальник, ехать пора! Солнце над лесом висит!

— Сейчас, Никита. Подожди минутку,— донесся из палатки голос Бурова.

Он выслушивал последние инструкции, принимал тяжелые квадратные пакеты, просматривал уложенные в ящики образцы и пробы для анализа, наконец вышел из палатки и заскочил в сани.

Олени дружно взяли с места, и сани быстро покатались под гору.

Андрей Михайлович повернулся к тем, кто остался, и тихо сказал:

— Теперь мы на много месяцев отрезаны от мира. Раньше декабря нечего и думать прокладывать зимник. Те, кто выехали сегодня, еще успеют обогнать ледостав. Те, кто выедут завтра, будут по дороге настигнуты зимой.

— Ты что, Андрей, взгрустнул, что ли? — ответил ему Угрюмый. — А помнишь, как мы с тобой вдвоем зимовали на Пай-хое? Без муки, без соли, в дырявом шалаше. Помнишь?

— Разве забудешь, Угрюмый? — Андрей Михайлович тепло улыбнулся. Когда погасли давние воспоминания, он сказал окружающим: — Так что пора готовиться к зимовке. Будем работать по двенадцать часов в сутки, а если нужно — по четырнадцать. Ты, Вася, назначаешься прорабом. Смотри, постарайся оправдать доверие.

Вася Круглов мучительно покраснел. Вот она — заветная, потаенная мечта!

Он будет таким же геологом, как Корнев. Таким же упорным, спокойным, решительным. Он сам поведет экспедиции в белые пятна далекого Севера. Это — в будущем. А сейчас он назначает себя производителем работ. И вслух:

— Слушаюсь, Андрей Михайлович.

Тем временем упряжка оленей стремительно неслась к югу. Никита, размахивая хореем, стоял на коленях, а позади него растянулся на оленьей шкуре Буров.

Никита давно постиг сложное искусство погонщика оленьей упряжки. Он мог заставить оленей бежать со скоростью посзда, мог одним прикосновением хорея повернуть упряжку на сто восемьдесят градусов, а самое главное, он, как никто другой, научился чувствовать взаимоотношение между скоростью бега и длиной пути. Но, несмотря на это, с лица Никиты не сходило выражение озабоченности, а в углах губ залегли темные складки. Он тревожно прислушивался к звукам, наполнявшим лес. Под полозьями саней скрипел тонкий снег, но сквозь этот скрип откуда-то снизу доносился невнятный гул.

Это в глубокой долине гудела река. Но привычное ухо лесного жителя в глухом гуденье реки различало металлические нотки, как будто звонкие льдинки крошились в прибрежных камнях.

Над каждой долиной, над каждым ручьем, рекой, водоемом висела белая пелена тумана. Это вода отдавала воздуху накопленное за лето тепло, а сама покрывалась тонким слоем густого «сала». А узкие заливы и тихие заводи уже заковал блестящий голубоватый лед.

Надо было опередить зиму. Иногда Буров поднимал голову и тихо спрашивал:

— Успеем?

Никита сердито оборачивался:

— Должны успеть.

И снова — только скрип полозьев, лесной шорох и невнятное бормотанье воды.

Но вот олени миновали полосу леса. Кругом расстилалась тундра. В обе стороны, словно крылья гигантской птицы, легли белые громады хребта. Это был перевал, глубокая седловина, рубеж двух стран света. Олени остановились, навострили уши. С севера докатились далекие, гаснущие раскаты взрывов.

— Гору рвут. Пауль строить будут, — улыбаясь, сказал Оведьев.

— Будут, обязательно будут, Никита.

Евгений всмотрелся вдаль, пытаясь отыскать глазами Медную гору, но поднимающаяся метель с каждой секундой сужала горизонт.

Никита чмокнул губами, и олени послушно тронулись с места. Теперь Буров был уже на восточном склоне Урала. А там далеко-далеко, у подножия невысокой горы, кучка отважных геологов рубила избы, складывала печи, запасала дрова. Геологи обогнали зиму. Они готовились к долгой, упорной работе, и в каменном теле горы уже били первую пробную шахту.

ОГЛАВЛЕНИЕ

В Усть-Улсе	5
Вверх по Вишере	10
К Медной горе	21
На берегу озера Амнеш	29
«На юго-восток, только на юго-восток!»	41
Молодой геолог	60
Первый взрыв :	70
В лагере :	76
Неожиданный гость	87
По валунам	92
Уход Зверева	101
Медная гора	109
Перед зимовкой	122

Р2 Занадворов В. Л.

3—27 МЕДНАЯ ГОРА. (Пермь),

Кн. изд., 1963.

125 стр. с илл. (Библиотека путешествий и приключений. Вып. 12.).

Владислав Леонидович Занадворов

МЕДНАЯ ГОРА

Редактор *А. М. Граевский*. Художественный редактор *М. В. Тарасова*.
Технический редактор *Г. М. Езов*.
Корректор *И. Л. Пархомовская*

Подписано к печати 17/V 1963 г.
Формат 70×108 1/32 2 б. л. 4 п. л.
(усл.-прив. 5,48 л.) Уч.-изд. 4,7 л.
ЛБ02517. Тираж 50 000 экз. Цена 14 к.

2-я книжная типография
облполиграфиздата.

Пермь, ул. Коммунистическая, 57.
Зак. 602.

ПЕРМСКОЕ КНИЖНОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО

**БИБЛИОТЕКА
ПУТЕШЕСТВИЙ И ПРИКЛЮЧЕНИЙ**

Вышли из печати:

Выпуск 1. А. Домнин. **Дикарь**. Цена 6 коп.

Выпуск 2. М. Заплатин. **На гору каменных идолов**.
Цена 12 коп.

Выпуск 3. Н. Чернышев. **Западня**. Цена 8 коп.

Выпуск 4. А. Ромашов. **Лесные всадники**. Цена 11 коп.

Выпуск 5. Ю. Вылежнев. **На лосях**. Цена 13 коп.

Выпуск 6. А. Белоусов. **Камень нерушимый**. Цена 9 коп.

Выпуск 7. А. Соколов. **Пламя над тайгой**. Цена 6 коп.

Выпуск 8. А. Крашенинников. **В лабиринтах страны
Карст**. Цена 6 коп.

Выпуск 9. Н. Чернышев. **Находка беглого рудокопа**.
Цена 9 коп.

Выпуск 10. А. Граевский. **На север!** Цена 8 коп.

Выпуск 11. А. Ромашов. **Золотой исток**. Цена 10 коп.

Выходят из печати в 1963 году:

Выпуск 12. В. Волосков. **На перепутье**.

Выпуск 14. М. Заплатин. **Вдоль Каменного пояса**.

Выпуск 15. Ю. Курочкин. **Легенда о Золотой Бабе**.

Выпуск 16. А. Ромашов. **Земля для всех**.

Выпуск 17. О. Селянкин. **«Ваня Коммунист»**.